

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Влюбленным
вход
воспре^шен!

ЭКСМО

Наталья Николаевна Александрова

Влюбленным вход воспрещен!

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3935195

Влюбленным вход воспрещен! : роман / Наталья Александрова: Эксмо;

Москва; 2010

ISBN 978-5-699-44451-9

Аннотация

Для кого-то счастье – яхта, звезды и прибой, а для Маши Голубевой – одиночество и покой... в коммунальной квартире, где соседка по пять раз в год справляет свадьбу, а потом развод. В этот раз Маше удалось упросить сводную сестру-риелтора Ольгу пустить ее переночевать в готовую для продажи квартиру. Правда, пришлось приврать, что место нужно для свидания с... ну, например, с телеведущим Карениным, героем девичьих грез и газетных публикаций. А почему бы и нет? В итоге Ольга изумилась, но ключ дала! Маша наконец-таки попала в просторную и пустую квартиру, где обнаружила труп... Каренина!!!

Наталья Александрова

Влюбленным вход воспрещен!

Ванная, как всегда, была занята. Из-за хлипкой двери доносилось громкое, жизнерадостное пение. Валентина, ужасно фальшивя, исполняла забытый шлягер:

– Золотится роза чайна-я!

– Валька, мне на работу надо! – крикнула я в дверь без надежды на успех.

– Между нами дверь стеклянна-я! – проорала она в ответ.

Я в сердцах пнула дверь. Хорошо, что она на самом деле не стеклянная: стеклянная от такого пинка разлетелась бы на куски, а эта только жалобно скрипнула. Правда, Валентина на этот раз услышала, щелкнула задвижкой и показалась на пороге.

Я невольно попятилась: ее лицо покрывала густая бу-ро-зеленая субстанция, а огненно-рыжие волосы, накрученные на крупные бигуди, делали мою соседку похожей на какое-то сказочное чудовище со змеями вместо волос. Или просто на жабу в бигуди.

– Ты чего ломишься? – проквакала она, вынимая изо рта шпильку.

– Валь, нупусти меня на десять минут! – взмолилась я. –

Мне на работу нужно!

— Работа — не волк, в магазин не убежит! — ответила она наставительно. — И вообще, работа — она каждый день, а свадьба у человека бывает раз в жизни!

— Ну, уж и раз! — проворчала я, понимая, что в ванную мне сегодня не попасть.

— Ну, два! — уточнила она, не моргнув глазом. — Пусть даже три! Ну уж не каждый же день...

Конечно, Валентина сильно скромничает: только на моей памяти это у нее уже четвертая свадьба. Или даже пятая, я уже, честно говоря, сбилась со счета. Причем, что характерно — с одним и тем же мужиком.

Мы живем в одной квартире с Валентиной уже пять лет — с тех пор, как я в результате обмена получила комнату в этой квартире и соседку в придачу.

За эти пять лет я не устала поражаться ее богатой и насыщенной личной жизни. Притом, что главный мужчина у нее один — это Великолепный Гоша, мастер со станции техобслуживания.

Конечно, за эти годы у любвеобильной Валентины случались приключения на стороне, но Гоша — это ее судьба, это мужчина ее жизни, мужчина с большой буквы «М», как выражается сама Валентина словами из своего любимого сериала «Мелодия любви».

Правда, так она выражается исключительно в моменты примирений, перед очередной свадьбой. В другие моменты

она называет его козлом, жирным кабаном, сволочью красноносой и еще многими не столь литературными именами.

Их взаимоотношения строятся на циклической основе, как времена года в нашем нездоровом северном климате. Время от времени они переживают недолгую, но бурную весну чувств, завершающуюся очередной свадьбой, затем еще более короткое лето благополучной семейной жизни, после чего наступает промозглая осень с охлаждением отношений, непрерывными скандалами, взаимными упреками и обвинениями. Все это завершается очередным разводом, и наступает суровая северная зима.

Правда, в отличие от нашего унылого климата, их отношения протекают на высоком эмоциональном градусе: разрыв – так разрыв, с битьем посуды, с вышвыриванием вещей в окно... Валентина в эти периоды щеголяет то с подбитым глазом, то с выбитым зубом, документально оформляет побои в травмпункте и пытается привлечь меня в качестве свидетеля. Я от этого всячески уклоняюсь: голубки непременно помирятся, и мне же она потом все выскажет...

После разрыва на какое-то время в нашей квартире наступает относительный покой. Валя залечивает синяки и побои, вставляет выбитые зубы и ходит по дому тихая и пришибленная. Потом она начинает тосковать, от скуки и безысходности приводит какого-нибудь случайного мужика, убеждается, что никто не может заменить ее несравненного Гошу, и впадает в глубокую депрессию.

А тут как раз появляется и сам герой ее романа.

Он носит цветы и конфеты, просит прощения, обещает исправиться... и все начинается сначала.

По мне, так пусть живут как хотят, но Валентина – женщина принципиальная, ей каждый раз снова нужно устраивать свадьбу по полной программе.

Вот и сейчас – она уже три дня таскает из супермаркета полные сумки продуктов, вчера весь день что-то жарила на кухне, так что было не продохнуть от чада, а сегодня с утра занялась внешностью. Ну, как же – невеста на свадьбе должна быть неотразима!

У нее даже белое платье имеется – она его как купила для первой свадьбы, так и держит в шкафу, только время от времени распускает в швах, когда оно делается тесным.

Вообще, Валентина – баба не вредная, только очень уж шумная и скандальная. И ее регулярные свадьбы действуют мне на нервы даже хуже, чем скандалы с Гошей. На эти свадьбы приходят Валькины подруги из кафе «Василек» и Гошины приятели из автосервиса, кто-нибудь из них непременно в стельку напивается и по пьяному делу наносит нашей многострадальной квартире существенный урон: то раковину своротит, то зеркало в ванной разобьет. Кто-нибудь начинает вязаться ко мне, а это еще хуже, чем разбитое зеркало.

Чего я никак не могу понять – почему они устраивают свадьбы дома? Казалось бы, сейчас такой выбор ресторанов, ка-

фе и прочих заведений, где можно отметить семейное торжество. Можно, в конце концов, организовать все в том же «Васильке», где работает Валентина, для нее явно сделают скидку. Впрочем, дело тут не в деньгах – Гоша вообще мужик не жадный и все время повторяет, что ему не жалко на свою свадьбу никаких денег. Нет, все дело в том, что дома они чувствуют себя свободнее и могут оттянуться по полной, с битьем зеркал и прочими народными забавами...

– Ну ладно, Мария, чего ты дуешься? – Валентина подмигнула мне, отчего зеленая маска пошла волнами, как покрытый ряской пруд. – Приходи сегодня пораньше, свадьба все-таки! Посидишь с нами, может, наконец найдешь себе кого-нибудь, а то что ты все одна да одна? Разве ж это жизнь?

Да, хорошо бы сегодня вообще не приходить домой!

Даже если удастся проскользнуть в квартиру незамеченной, запереться у себя в комнате и сделать вид, что меня нет, – все равно я не сумею заснуть под шум и гвалт соседской свадьбы, под недружное пение разухабистых шлягеров прошлого десятилетия и под доносящийся из-за стены хохот.

Валентина снова удалилась в ванную, и оттуда донеслось ее пение. Я кое-как ополоснулась на кухне, выпила чашку кофе и поплелась на работу, думая, что делать вечером.

– Что они там – заснули, что ли? – я вытянула шею, стараясь заглянуть за тонкую занавесочку из переливчатого шел-

ка, которой в этом ресторане был стыдливо завешен вход на кухню. – Сорок минут уже ждем!

– Не сорок минут, а всего двадцать пять, – немедленно уточнила Ольга, демонстративно поглядев на свои золотые часы, – вполне приемлемо для такого приличного ресторана...

– Приличный ресторан! – фыркнула я. – Людей голодом морят! Эх, вставать лень, а то бы я на кухню смоталась и устроила им веселую жизнь!

– Привыкла по разным забегаловкам ходить! – тут же вскипела Ольга. – Совершенно не умеешь себя вести!

Собственно, именно этого я и добивалась – чтобы моя зави вышла из себя. Спросите – зачем мне это нужно, я не отвечу. Просто нравится ее злить.

Вот эта отлично упакованная красotka, сидящая напротив, – моя старшая сестра. Отчего-то она решила, что меня надо воспитывать и вообще принимать активное участие в моей жизни. Я иногда думаю – она действительно уверена, что без нравоучений мне не обойтись, или же просто ей доставляет удовольствие меня тиранить. Кстати, такое удовольствие я как раз ей доставляю крайне редко, у меня стойкий иммунитет на родственничков.

Наконец занавеска колыхнулась, и появился официант с заставленным подносом.

– Слава богу! – оживилась я. – Жрать хочу – умираю!

– Мария! – Ольга грозно на меня посмотрела. – Вовсе

незачем демонстрировать всем свои отвратительные манеры! И сядь наконец нормально, что ты развалилась на стуле, еще ноги на стол положи!

— Посади свинью за стол — она и ноги на стол! — с готовностью поддакнула я.

Ольга нахмурилась и поджала губы — не потому, что ей нечего мне сказать, просто ждала, когда официант расставит тарелки и уйдет. За словом в карман моя сестрица никогда не лезет, у нее, по выражению писателя Бабеля, всегда имеется в запасе пара слов, и слова эти, адресуемые мне, разной степени пренебрежения. Хоть бы когда-нибудь что-нибудь она у меня похвалила!

Впрочем, как я уже говорила, я эпатирую сестрицу нарочно. И внешний вид у меня соответствующий, и манеры. Вот и сегодня мы с ней составляем, надо думать, презабавную парочку. Сестрица упакована по высшему разряду — костюмчик вроде бы деловой, и юбка не слишком короткая, но Ольга позволила себе довольно смелый вырез. В вырезе этом все идеально гладко, не к чему прицепиться. Дальше сапоги, каблук высокий, но не вызывающий — чтобы было видно, что дама работает, а не прохлаждается. Пальтишко перекинута через спинку соседнего стула — сестре оно очень идет, тут я не стану кривить душой. Руки с безупречным маникюром, колец всего два — обручальное, а на левой руке — с небольшим бриллиантом, подарок мужа на пять лет совместной жизни. Часики золотые, швейцарские, сестрица са-

ма заработала, она риелтор, говорят, весьма успешный.

По сравнению со старшей сестрицей я выгляжу форменным чучелом. Джинсы, драные на коленях, растянутый у ворота свитер, минимум косметики и грубые ботинки на толстой подошве, именуемые в просторечье... ну, вы сами знаете. Ногти на руках коротко подстрижены, колец никаких, не люблю я эти побрякушки. Вот она я, Маша Голубева, полный портрет.

Мой любимый салат из японских водорослей с ореховым соусом пах очень вкусно, и я сглотнула слюну. В самом деле, есть хочется. С утра, кроме чашки кофе, во рту ничего не было!

Я взялась за вилку, но ее не было. Ресторан-то японский, и вместо столовых приборов тут подают деревянные палочки. Ольга очень ловко и аккуратно ковырялась палочками в своей тарелке. Ну, уж нет, такое не по мне!

Не глядя, я поймала за рукав пробежавшего мимо официанта.

– Золотце мое, вилку нормальную принеси! Можно без ножа, я уж так откушу!

Ольгу передернуло от моих слов, наверно, и аппетит пропал. Я думала, что вилки придется ждать не менее четверти часа, но официант принес приборы довольно быстро.

– Можешь, когда хочешь! – добродушно сказала я.

Салат исчез на удивление быстро, я как-то не заметила, куда он делся. Я ела жадно, давясь и чавкая.

– Может, хватит уже? – спросила Ольга, отложив палочки. – Не надоело хамку из себя изображать?

Ничего, мы с сестрицей не так часто встречаемся, можно немножко потерпеть. Она вызванивает меня примерно раз в две недели и приглашает на обед, чтобы пообщаться. Ей хочется поплясать на моих косточках, глядя на меня, она переполняется самоуважением – вот, дескать, какая она умная, успешная и красивая. Всего достигла сама, собственными силами, а могла бы получиться такой, как я.

А что, очень даже возможно. Забыла сказать, что мы с ней сестры не родные, а единоутробные, то есть отцы у нас разные, а мать одна. Судя по тому, что у нас с сестрой все разное, от внешности до внутреннего содержания, мы похожи на своих отцов. А могло бы быть наоборот – вот удались бы обе в мать, и тогда... Мамуля у нас женщина по-своему удивительная, но об этом после.

Официант принес горячее, мне – свинину в соевом соусе, а Ольге какую-то рыбу. Она у нас женщина правильная, следит за своим здоровьем, мяса вообще не ест. Мне надоело чавкать, так что в дальнейшем обед прошел в молчании.

– Мария, – сестра спохватилась, что я доем и уйду, а она не успеет меня повоспитывать в свое удовольствие, – я должна с тобой серьезно поговорить.

Ну вот, пожалуйста, начинается! Нет чтобы спокойно покушать, а потом мирно расстаться на следующие две недели! Может, вам интересно, для чего я все это терплю? Поче-

му бы, когда сестрица звонит и приглашает меня в ресторан, не послать ее подальше прямо по телефону? Не могу, очень люблю хорошо поесть. А за обед платит всегда она, так что справедливости ради следует терпеть ее нотации и нравоучения. За все хорошее в этой жизни приходится платить, причем, как правило, собой.

Сестрица вбила себе в голову, что я качусь по наклонной плоскости и меня надо немедленно спасать, а то будет поздно, я куда-нибудь укачусь. Откуда уже не вытащишь.

– Слушаю тебя внимательно, – обреченно сказала я.

Сестрица моя трудится риелтором, людей она насквозь видит, иначе при ее работе нельзя, как она сама говорит, риелтор – работа психологическая. Так что сейчас она поглядела на меня с недоверием, но я вовремя успела опустить глаза в тарелку. Но ничего интересного Ольга не сказала, опять та же песня.

– Отчего ты ходишь таким чучелом? – С ходу начала она. – Ни за что не поверю, что у тебя нет денег на приличную одежду.

– Где уж нам уж, – притворно вздохнула я, – мы серые, необразованные, университетов не кончали...

Это верно. Образование у меня, как пишут в анкетах, неполное высшее, а проще говоря, я бросила институт на третьем курсе. У сестрицы же не одно, а целых два верхних образования – вначале филологический факультет, а потом, когда она поняла, что знания двух языков ей недостаточно

для процветания, она закончила еще экономический. Вот такая вот она у меня – упорная, настойчивая и целеустремленная. В своей риелторской конторе преуспевает, начальство ее очень ценит, она у них едва ли не первая по сделкам с недвижимостью.

А я кисну в крошечной фирмочке по наладке компьютеров. Вот, допустим, купил человек компьютер и надо ему его, как сейчас говорят, апгрейдить. Он набирает номер, вызывает нас – и дело сделано. Или чье-то чадушко сломало компьютер, а оно дня не может прожить без игр. Вызывают нас, доплачивают за срочность – и пожалуйста, ребенок снова сидит за светящимся экраном, играет в свои стрелялки-догонялки и не мешает родителям жить в свое удовольствие.

С точки зрения сестры, моя работа – полное убожество. Денег мало, перспектив никаких. А мне нравится – смена обстановки, встречаешься с новыми людьми и так далее. Впрочем, на мало-мальски приличные шмотки денег хватило бы, просто к чему все это? Так удобнее. Но сестре такое говорить не стоит.

– Денег совсем нету! – я шмыгнула носом. – В долг не возьму, и не предлагай!

– Да я и не думала предлагать, – удивилась Ольга, – мне не жалко, да только отдавать-то тебе не с чего. Мария, надо менять работу! У нас в дочерней фирме освободилось место секретаря, я бы могла поговорить насчет тебя... Конечно, с улицы они не возьмут, но моя рекомендация кое-чего сто-

ит...

– Еще бы... – протянула я, и тут до меня дошел смысл сказанного, – это что – целый день в офисе сидеть, начальнику кофе подавать и посетителям улыбаться? Ужас какой!

– Это только начало! – не отступала сестра. – У тебя образования нету, что ж тебя, сразу директором устраивать? Между прочим, возможен рост, девушка, что работала до этого, закончила институт, и теперь она старший менеджер фирмы!

– Оля, я не смогу, – заныла я, – я начальнику кофе за шиворот вылью, а клиентов покусая по телефону!

– Так всю жизнь и просидишь в своей задрипанной конторе! – сестра повысила голос.

Еще немного, Ольга выйдет из себя, мы поругаемся, и я спокойно пойду. Вообще-то на работу давно пора.

– Не всем же карьеру делать, – огрызнулась я, – живут женщины и без этого.

– Правильно, – согласилась Ольга обманчиво спокойным голосом, – эти женщины сделали ставку на удачное замужество. Устроились в жизни за счет мужчин! Но извини меня, сестричка, это уж совсем не твой вариант!

И она с насмешкой поглядела на меня. В ее глазах я отразилась вся – от криво накрашенных глаз до пресловутых ботинок, именуемых в народе... ну, вы сами знаете.

Я разозлилась. Не на сестру, на себя. Потому что, идя сегодня на встречу, хотела попросить у нее временного поли-

тического убежища. Проще говоря, мне бы переночевать сегодня где-нибудь. И провести спокойный вечерок. Потому что у соседей свадьба, и сил нет терпеть всю ночь пьяные визги, крики и стук каблуков по паркету. Забыла сказать, они же еще пляшут. Свадебный танец молодых – цыганочка с выходом. Валька темпераментно трясет плечами и визжит, а Гоша хлопает себя по коленкам под песню с такими словами:

Две гитары за стеной
Жалобно заныли.
Кто-то свистнул чемодан.
Милый мой, не ты ли?

Это гости поют хором. Нет, мне такого не выдержать...

Ольга вполне может пригласить меня к себе. У нее просторная трехкомнатная квартира, живут они там вдвоем с мужем Григорием. Правда, мы с ним не слишком симпатизируем друг другу, но одну-то ночь они вполне могут потерпеть, не на одной же кровати спать станем! Места много. А я в быту человек тихий, нетребовательный. Было бы белье чистое да утром чашка кофе... Так что ссориться мне сейчас с сестрицей совершенно не с руки.

– Желаете еще что-нибудь? – подошел официант.

– Кофе, – бросила Ольга, – обычный черный эспрессо.

И у меня в глотке застыло замечание, что хорошо бы еще десерт, а если не десерт, то хотя бы кофе со взбитыми сливками. Ольга начнет зудеть, что у меня и так лишний вес,

что, кстати, совершенно не соответствует действительности. Вес у меня вполне нормальный, впадать в панику из-за пары лишних килограммов я не стану. Не поем денек-другой и сброшу.

Перед кофе моя сестрица удалилась в туалет, а я пригрюнилась – не люблю черный кофе, у меня от него изжога. От скуки я оглядела зал, но ничего интересного там не нашла – люди обедали, не засиживаясь надолго. Одна большая компания девиц ела суши, парочка сотрудников переглядывалась через стол, явно испытывая друг к другу неслужебный интерес. Мужчина за соседним столиком пил кофе и читал газету, дама средних лет, судя по суровому виду, бухгалтер, ела фруктовый десерт, просматривая деловые бумаги.

Официант принес кофе и счет за соседний столик. Мужчина тут же расплатился и ушел, оставив свою газету. Я оглянулась, не видит ли Ольга, и положила в кофе три куска сахара. Потом от нечего делать развернула чужую газету и стала бездумно скользить глазами по строчкам.

На весь разворот там было интервью с известным телеведущим Александром Карениным. В интервью говорилось, какой Каренин умный, деловой и успешный, а также востребованный и талантливый.

Обычное заплаченное интервью, ничего интересного. Конечно, имелись и фотографии, обычный набор – Каренин на работе, в домашней обстановке и на отдыхе (сам герой в шортах возле бассейна, а на заднем плане видно здание ши-

карного отеля). Я усмехнулась – один приятель, фотограф, рассказывал, что фотосессия – дело дорогое и долгое, не у всех изданий на это время и деньги есть, так что часто поступают проще: снимают известную личность на фоне белого экрана, а уж потом любой вид присобачить можно. Хоть Коллизей, хоть Эйфелеву башню, хоть Тадж-Махал – дело техники. Так же и загородный дом можно изобразить, и квартиру шикарную. Но этот, Каренин, сейчас человек модный, так что, надо думать, небедный.

Нельзя не признать, что на снимках смотрится он неплохо – уверенная в себе личность, глаза чуть с прищуром глядят в душу невидимого собеседника, волевой квадратный подбородок, тщательно выращенная трехдневная щетина...

Я зевнула и бросила газету. Сестрица появилась при полном параде – макияж подправлен, глаза блестят, женщина вновь готова к трудовым подвигам. Если раньше она выглядела супер, то теперь стала супер в квадрате.

– Ну так что, – спросила она, отпив несладкий кофе, – подумала над моим предложением насчет работы? Потому что второй вариант для тебя неприемлем! Нет у тебя никого...

– Почему ты так думаешь? – я очень удачно изобразила обиду.

– Потому что, уж извини, Мария, но ни один приличный мужчина на тебя не посмотрит в таком прикиде!

– Ты слишком поверхностно судишь о людях, – важно сказала я, – не все мужчины смотрят на дорогие тряпки, неко-

торых интересуется то, что под ними.

– Ты хочешь сказать, что у тебя под этим свитером, которому давно место на помойке, надето приличное нижнее белье? – удивилась сестра. – Ни в жизнь не поверю!

– При чем тут белье, – вздохнула я, – у меня там сердце. Большое любвеобильное сердце. А также душа, переполненная нежностью. И эту нежность я готова отдать любимому человеку. А также верность и преданность.

– Ты думаешь, кому-то это все нужно? – усомнилась сестра, кажется, на этот раз ей изменило врожденное чутье, и она приняла мои слова за чистую монету.

– Как знать, – я загадочно улыбнулась.

Мы помолчали, допивая кофе, сестра не выдержала первая.

– Машка, неужели у тебя кто-то появился? – спросила она, блестя глазами.

Все ясно, сгорает от любопытства.

– Ну-у... – я нарочно тянула время.

– Небось, такой же, как ты, нечесаный программер! – напустилась на меня Ольга. – Или бывший одноклассник, которого случайно встретила на улице! Имей в виду – крутить роман с друзьями детства – это дурной тон! Всем сразу ясно, что женщина делает это от безысходности, больше никто на нее внимания не обратил, так хоть что-то...

– И вовсе не программер! – возмутилась я. – Очень приличный человек...

Сама же я лихорадочно думала, как выпутаться из сложившейся ситуации. Если сейчас признаться, что все наврала, Ольга разозлится и не пустит меня ночевать. Спустить дело на тормозах тоже не получится, сестра заинтригована и не отпустит меня, пока не узнает имя моего бойфренда.

– Ну так кто же он – твой приличный мужчина? – прищурилась Ольга, – Говори уж...

– Это Каренин! – неожиданно для себя выпалила я.

– Кто? – она вздрогнула и выронила чашку. Чашка свалилась на стол и покатилась, разбрызгивая остатки кофе, хорошо, я успела подложить салфетку, иначе плакал бы сестричкин костюмчик! Но она, похоже, этого не заметила, так была поражена.

– Что ты врешь! – закричала она. – Какой еще Каренин?

– Тот самый. – Все знают, что если уж решила врать, то нужно идти до конца и стоять насмерть. – Александр Каренин, известный телеведущий. Уж надеюсь, этот тебе подходит? Его можно считать приличным мужчиной?

Ольга хмыкнула и отвернулась.

– И где же вы с ним познакомились? – недоверчиво спросила она через некоторое время. – Уж не в твоей ли задрипанной компьютерной фирмочке?

– Представь себе! – я решила ковать железо пока горячо. – Он вызвал специалиста настраивать компьютер. Ребенку купили!

– Какому ребенку? – оторопела сестра. – Нет у него ника-

кого ребенка!

– А ты откуда знаешь? – агрессивно спросила я. – То есть я, конечно, не в курсе, кем тот ребенок ему приходится – может, племянник, может – сын внебрачный, внешне они вроде непохожи – я не приглядывалась, не до того было.

– Ой, врешь... – Ольга смотрела как-то растерянно, видно, очень уже удивилась моему рассказу.

– Дело твое, можешь мне не верить, – я пожала плечами, – квартирка, правда, скромненькая, но чисто, аккуратно. Родителей того ребенка не видела, только бабушку, а может, няню. Ну и, конечно, он, Каренин. Как я закончила, он со мной расплатился, потом и говорит – вам в какую сторону? Могу, говорит, подвезти, если нам по дороге... Ну и подвез... А там уж...

– Неужели ты с ним спала? – сдавленным голосом спросила сестра.

– Вот как раз к тебе по этому поводу просьба... – Меня осенило, что я под марку своего вранья могу получить кое-что полезное.

– Ко мне? – она разинула рот. – Ты вообще соображаешь, что говоришь?

– Слушай, ну что ты так волнуешься, – мирно заговорила я, – сама же пилила меня, что нужно менять свою жизнь. Может, встреча с Карениным – мой шанс!

– Это вряд ли, – хмуро буркнула Ольга, – но... так что у тебя за просьба?

– Понимаешь, – вдохновенно врала я, – у нас настал решительный момент. Или – или! Или переходить к более определенным отношениям, или бросить это дело вообще. Ну, пару раз встретились в кафе, на тусовку он меня пригласил, а дальше нужно переходить к решительным действиям. А он все время занят...

– Да у него таких, как ты... – протянула Ольга зло.

– Возможно, – согласилась я, – но ведь что-то его во мне заинтересовало...

– Ума не приложу, что именно, – фыркнула сестра.

– В общем, позвать его в свою коммуналку я, конечно, не могу, – я сделала вид, что не услышала насмешки в ее голосе, – сама понимаешь, он как соседей моих увидит, так с порога и убежит. Так вот, сестричка, не могла бы ты дать мне на время ключи от какой-нибудь квартиры. Ну, у тебя же всегда есть что-то на продажу... Обещаю, что ничего там не испорчу и не запачкаю...

– Ты серьезно? – Ольга смотрела на меня пристально, она даже побледнела.

– А что такого? – теперь я была сама невинность. – Это же только на одну ночь... Как раз сегодня удобный случай...

– Не могу, – решительно сказала Ольга, – это же чужая квартира, если узнают – меня с работы выпрут.

– Ну вот, – я вспомнила про соседскую свадьбу и утравила напор, – а говорила, что хочешь помочь. И вот как только появился шанс изменить свою жизнь...

– Да ничего у тебя не изменится! – раздраженно перебила меня сестра. – Этот Каренин тот еще тип!

– А мне он показался таким славным... – протянула я, – общительный, улыбается хорошо... Вот так вот личная жизнь рушится из-за квартирного вопроса...

– Ну хорошо, – неожиданно согласилась Ольга и криво улыбнулась, – чего не сделаешь для сестры? Вот, возьми, – она достала из сумочки связку ключей и продиктовала мне адрес квартиры.

– Хозяева сейчас за границей, но все равно они там не живут. Только помни: вести себя тихо, музыку не включать, воду не лить, свет во всей квартире не жечь. С соседями ни в какие разговоры не вступать. И утром убраться пораньше – мало ли, покупатели появятся. Ключи мне в офис занесешь.

– Спасибо тебе, сестричка! – я растянула рот в улыбке и все порывалась ее чмокнуть. – Спасибо тебе, родная! Все будет хорошо, никакого шума и грязи.

И правда, чего шуметь-то? Приду, поужинаю и лягу спать, никакого беспокойства. А если сестра завтра спросит про Каренина, скажу, не пришел. Обманул девушку, подлец такой...

Я – пофигистка. В жизни руководствуюсь я двумя постулатами. «Мне все по барабану!» и «А не пошли бы вы все куда подальше!». Уж не знаю, что повлияло на формирование моего характера, скореей всего, мое трудное детство и

неправильное воспитание в неполной семье. Во всяком случае, я такая, какая есть, и совершенно не хочу меняться. Чего не скажешь о моей старшей сестре. Но я уже говорила, что мы с ней абсолютно разные. Хотя Ольга тоже выросла в неполной семье.

Все дело в нашей мамуле, она, как я уже говорила, женщина по-своему исключительная, такую редко встретишь.

В первый раз мамуля вышла замуж очень рано, ей еще и двадцати лет не исполнилось. Мамуля в юности слыла хорошенькой, так что в женихах недостатка не было. Случилась у нее большая школьная любовь с восьмого класса, потом он ушел в армию, а мамуля вроде бы обещала ждать. В институт не стала поступать – мозгами не доросла, да это, как выяснилось впоследствии, ей и не понадобилось. Однако бабушка работала в каком-то техническом вузе и пристроила мамулю туда секретаршей в деканат. И в нее тут же влюбился студент со старшего курса – отличник и Ленинский стипендиат. Как увидел, так сразу и втюрился. И стал бегать в деканат каждую перемену. Учебу забросил, цветы носил и вечером после работы мамулю встречал.

У студента имелся папа, полковник ракетных войск, и мама, домохозяйка и общественница. Мама души не чаяла в своем единственном сыночке и мечтала для него о научной карьере.

Так что, сами понимаете, как она восприняла появление на горизонте легкомысленной девчонки без ума, без образо-

вания и без жилплощади (крошечная квартирка в «хрущобе» на пять человек, конечно, не в счет).

Несмотря на мамины запреты и наставления, студент не хотел бросать свою неземную любовь и по прошествии года так запустил учебу, что плохо сдал сессию и лишился Ленинской стипендии. Его мама пришла в неистовство, но поняла, что скандалами и криками делу не поможешь, и, по совету знакомых, разрешила сыну жениться, рассудив, что так хоть на глазах будет и ночами дома станет спать, а не таскаться на другой конец города, провожая девушку.

Через положенное время в молодой семье появилась моя сестра Ольга. Свекровь относилась к невестке плохо, хотя привязалась к внучке. Справедливости ради следует отметить, что моя мамуля – человек абсолютно неконфликтный и нетребовательный, она не устраивала мужу регулярных скандалов по поводу денег, не требовала от него дорогих подарков и поездок на курорты, она спокойно сидела дома с дочкой и ни на что не жаловалась. Муж, кстати, обожал ее безмерно, носил на руках и был абсолютно счастлив.

Где-то у меня валяется фотография мамули, сделанная перед свадьбой. Пышные волосы, большие влажные глаза, губки бантиком и взгляд испуганной антилопы. Так, в общем, ничего особенного, однако на мужчин действовало безотказно.

Итак, мамуля спокойно сидела дома с дочкой и не хотела ничего менять. Однако свекрови на месте не сиделось, по-

тому что ее сын пренебрег научной карьерой и после окончания института вместо ожидаемой аспирантуры распределился на завод – там, дескать, больше платят, премии, тринадцатая зарплата и все такое. А ему нужно содержать семью.

Разумеется, свекровь никак не могла перенести крушение своей заветной мечты и вымещала все свои разочарования на невестке. Оленьке исполнилось три года, ее устроили в садик, и тут свекровь просто осатанела. Она поставила вопрос ребром и велела мамуле идти на работу. Обзывала ее лентяйкой и дармоедкой, так что в конце концов мамулино терпение лопнуло, и она снова устроилась в тот же самый вуз, только теперь секретарем на кафедре.

И там в мамулю тотчас же влюбился молодой преуспевающий доцент, то есть мой будущий отец. Доцент зачастил на кафедру даже в свой законный выходной день, бурный роман развивался на глазах у всех сотрудников, кто-то сообщил жене доцента (у него была семья – жена, сын и теща).

Дело кончилось грандиозным скандалом – та самая теща явилась ругаться домой к мамуле. И нарвалась на свекровь. Думаю, если бы дело удалось спустить на тормозах, до развода бы, может, и не дошло. Но эти две мегеры едва не подрались. Разумеется, под горячую руку попало и мамуле. Доцент, увидев ее с раздувшейся щекой, пришел в совершеннейшую ярость и тут же бросил семью, обозвав на прощание тещу неприличным словом. Первый мамулин муж, отец Ольги, запил с горя – все же он работал на заводе, там кол-

лектив соответствующий, привыкли все неприятности водкой заливать.

Доцент женился на мамуле, и к тому времени, как родилась я, построил кооперативную квартиру. Доценты по тем временам зарабатывали отлично. Мы жили там вчетвером – папа, мама, Ольга и я. Жили лет пять, но я плохо помню сестру в детстве – ее все время увозили к той бабушке и ее отцу. Хотя первый муж мамули не сильно преуспевал, запивал время от времени, так что из инженеров его турнули и держали на заводе простым работягой.

Мне было пять лет, когда всю развернулась перестройка и на зарплату доцента стало не прожить. Мамуля, разумеется, не работала все это время – папа помнил все условия своего с ней знакомства и не хотел рисковать, выпуская жену из дома. Она не скучала и не роптала, как я уже говорила, мамуля наша – человек нетребовательный.

Однако пришлось вылезать из скорлупы, потому что нам буквально стало нечего есть. Мамуля перепробовала множество работ – сидела в продуктовом ларьке, мыла аптечный ангар, дежурила на вахте в общежитии милиционеров. Пыталась заделаться челноком, но не хватало денег на первоначальную закупку товара. И вот когда семья совершенно обнищала, мамуля случайно встретила на улице свою первую школьную любовь – того самого мальчика, которого она не дождалась после армии.

Он, кстати, вернувшись и узнав про мамулино замуже-

ство, сильно расстроился, но сделать ничего не пытался – поезд ушел, мамуля уже ждала Ольгу.

И вот минуло больше десяти лет, а школьная любовь не забылась и вспыхнула с новой силой. Бывший одноклассник тоже не слишком преуспевал во время перестройки, но зато у него обнаружилась какая-то троюродная тетя в Бостоне, и семья собиралась эмигрировать. И что вы думаете? Мамуля мигом оформила развод с моим отцом и вышла замуж за того типа. Они решили начать новую жизнь в Штатах, семья не воспротивилась – их и так ехало к тетке человек восемь, так что еще один человек погоды не делал.

Но тут возникли проблемы с детьми. Если бы мамуля не меняла страну проживания, она спокойно забрала бы нас с Ольгой к следующему мужу, в то время по закону дети при разводе оставались с матерью. Но не в этом случае. Потребовалось получить специальное разрешение от наших отцов. И, разумеется, никакого разрешения ей не дали. И вовсе не из вредности, просто мой папа не хотел расставаться с дочерью навсегда. А в Ольгином случае вмешалась ее бабушка – та самая свекровь, которая ненавидела мамулю с самого начала.

Надо сказать, что мамуля не слишком расстроилась, она вся была в предвкушении новой западной жизни, так что ничтоже сумняшеся оставила обеих дочерей в России, присовокупив, что как только устроится там, в Бостоне, так решит вопрос с детьми. И укатила вместе с новым мужем и его се-

мейством, только мы ее и видели. Мне на тот момент исполнилось шесть лет, Ольге – одиннадцать.

Вы только не подумайте, что я мамулю осуждаю или сильно расстраиваюсь. Несмотря на то что мы в детстве проводили с ней много времени, я по мамуле не скучала. Наверное, потому, что уже тогда стала пофигисткой.

Ольгу сразу же от нас забрали – отец и бабушка. Правда, отец ее к тому времени окончательно спился и работал грузчиком в продуктовом магазине, но его мамаша была старухой крепкой и держала дом железной рукой.

От мамыли первое время приходили письма и посылки с вещами и игрушками. Однако все платья и кофточки мне были безнадежно малы, а когда папа поехал к Ольге, чтобы передать ей подарки от матери, ее бабка едва не спустила его с лестницы. Папуля пожал плечами и больше никаких попыток не предпринимал, и к тому же посылки скоро прекратились. В последнем письме сообщалось, что мамуля родила очередную дочку, которую назвала Ириной.

В общем, получилось у нас, как у Чехова, три сестры – Ольга, Мария и Ирина. Вы только не подумайте, что мамуля обожала Чехова, бьюсь об заклад, что она и пьесу-то эту никогда не читала, не говоря о том, чтобы в театр пойти.

Опять-таки, я не злопыхаю, а просто констатирую факт.

В общем, мы жили вдвоем с отцом. Папашка все так же сидел в своем вузе и дрессировал нерадивых студентов, он вообще-то препод был не вредный и покладистый. Ну, еще

частными уроками немного подрабатывал. Так и жили. Мы с ним оба люди не гордые, в быту скромные, нам много не надо.

С сестрой мы виделись редко – сначала ее бабка препятствовала нашему общению, потом отвыкли друг от друга совсем.

Папашка после мамули не взглянул ни на одну женщину, хотя соседки, которым всегда до всего есть дело, советовали ему жениться. И хоть жених он был, в общем-то, незавидный – постарел быстро, полысел и взгляд стал печальный и озабоченный, – все же знакомые дамы пытались прибрать его к рукам. Учительница в моей школе, одна тетка у него на кафедре, какая-то старая знакомая...

Папашка был человек деликатный, ему трудно было отказывать, в конце концов я сказала, чтобы он не мучился и валил все на меня – дескать, дочка никого не принимает. А мне, как уже говорилось, по фигу, что про меня подумают.

Я закончила школу и поступила в тот самый вуз, где работал отец. Он предложил, а мне было все равно. Вы не поверите, но специальность свою уже не помню, вуз был технический, как ни странно, с математикой в школе у меня проблем не имелось, видно, удалась я в отца.

А он что-то начал болеть. Похудел, стал задыхаться при ходьбе, постарел здорово. Хоть я и прирожденная пофигистка, до меня все же дошло, что нужно его оттащить к врачу. Месяц мы спорили, он не хотел обследоваться, говорил,

что все само пройдет. Потом его долго мариновали в нашей участковой поликлинике – то врач нужный в отпуске, то анализы потеряли, а потом вдруг все стало очень плохо, и он умер. Тихо и незаметно, как жил.

Жалко папашку, царствие ему небесное. Все же он стал единственным по-настоящему близким мне человеком. Это, пожалуй, в жизни моей единственный раз, когда мои пофигистские постулаты и жизненные принципы оказались негодными – никак нельзя было сказать, что смерть отца мне по барабану.

По прошествии двух недель вечером в нашей квартире раздался звонок. Я тогда была не в лучшем состоянии, плохо соображала и открыла дверь, не спрашивая, кого это черт принес, на ночь глядя.

На пороге стояла весьма колоритная троица – мордатый мужик лет тридцати с выкаченными, как у лягушки, глазами, молодящаяся тетя с обесцвеченными волосами и ярко накрашенными губами и старуха с палкой.

– Вам кого? – нелюбезно буркнула я. – Наверное, квартирой ошиблись...

– С чего это вдруг? – холодно удивилась тетя и сложила свои немыслимого цвета губы в пренебрежительную ухмылку.

– Голубева Мария Анатольевна здесь проживает? – гаркнула старуха неожиданно громким голосом.

От удивления я кивнула, и тогда она отодвинула меня пал-

кой и решительно прошагала в прихожую. За ней просочилась тетя, толкая перед собой мордатого мужика. Я смогла разглядеть их получше и увидела, что у тетки такие же выкаченные глаза, стало быть, это родственники, скорее всего, мать и сын.

– Так... – сказала старуха, внимательно обведя глазами прихожую, – та-ак...

– Слушайте, а вы вообще кто? – опомнилась я. – Вы по какому вопросу?

– По квартирному, – ответила тетя, – насчет жилья.

– Вы из ЖеКа, что ли? – спросила я и тут же сообразила, что дом у нас кооперативный, и в правлении я почти всех знаю, там люди вполне приличные, они еще деньжат среди жильцов подсобрали папашке на похороны.

– Мы не из ЖеКа! – гаркнула старуха. – Гера, предъяви!

Гера очнулся от задумчивости и показал мне паспорт. В раскрытом виде, как положено, не давая в руки.

– Голубев Герман Анатольевич... – прочитала я вслух и растерянно сказала: – Здравсти...

Родственнички, стало быть. Первая жена моего отца, ее сыночек и та самая теща, которую при разводе мой тихий интеллигентный папашка обозвал неприличным словом. И правильно, между прочим, сделал, потому что старуха вела себя просто отвратительно. Она протопала в комнату прямо в уличной обуви, плюхнулась на диван в пальто и глядела с отвращением на нашу неказистую обстановку. Да и после

похорон меня накрыла депрессия, и я две недели не убирала квартиру, так что везде лежала пыль и валялись разные вещи.

– Ну и хлев у тебя! – громогласно заявила старуха.

Да им-то какое дело? И я набрала в грудь воздуха, чтобы достойно ответить, но тетка подсуежилась раньше.

– Мама, вы пока помолчите, – сказала она, – а вы, милочка, послушайте.

И дальше она доступно объяснила, что квартира, оставшаяся после отца, кооперативная, а детей у него двое, то есть по закону на эту квартиру претендую не только я, а еще и ее сын – вот этот вот мордатый Гера.

– А больше вы ничего не хотите? – растерялась я. – Может, вам еще обувь почистить?

Тут они заорали вдвоем – тетка и ее мамаша, Гера молчал. Мне было сказано, что мой отец своего ребенка бросил, и теперь ему положено наследство с точки зрения морали и закона. И Герочка инвалид, так что ему по метрам еще и больше положено, чем мне.

Я в изумлении воззрилась на сводного братишку. С виду все у него нормально, руки-ноги на месте, морда наглая и откормленная. Может, с головой проблемы?

Дальше начался форменный кошмар. Две мегеры грозили мне судом. Оказалось, что отец в свое время не оформил какие-то очень важные документы, следовало переписать квартиру на меня или еще что-то сделать. Эти двое уже

без Герочки таскались ко мне едва не каждый вечер, трясли какими-то бумагами, скандалили, угрожали и призывали в свидетели соседей. Еще и обзывали отца по-всякому, так что однажды я вырвала палку у старухи и замахнулась на нее с намерением если не убить, то ударить как следует. И увидела близко ее довольные глаза – вот сейчас я ее стукну, они немедленно вызовут милицию, меня посадят, и квартира достанется им.

– Черт с вами, – сказала я, бросив палку, – я согласна.

А про себя добавила, что не пошли бы они двое куда подальше, в одном известном всем направлении. Впрочем, сводный братец Герочка тоже может туда с ними отправиться.

Квартирка была маленькая и очень запущенная, так что удалось разменять ее только на две комнаты в коммуналке, и то с огромным трудом. Я согласилась, не глядя. Те тоже очень торопились, боясь, что я передумаю.

И вот, когда я переехала в дремучую коммуналку с развеселыми соседями, в моей жизни возникла старшая сестра. Она узнала про эпопею с квартирой совершенно случайно, от знакомого риелтора. Узнала слишком поздно, расторгнуть сделку было уже нельзя. Да я и не хотела начинать кошмар сначала.

Сестрица, однако, просто взбеленилась. Она долго орала на меня и обзывала душой и полной кретинкой, кричала, что меня развели как последнюю лохушку и что если уже отец

мой оказался недальновидным растяпой, то мне следовало всего лишь обратиться к ней, Ольге, она решила бы вопрос немедленно.

Тут сестрица запнулась на полуслове, прочитав по моему лицу, что если она еще хоть слово худое скажет о моем отце, то я применю второй постулат, то есть пошлю ее далеко и надолго. И на этом наше общение закончится навсегда.

Можете себе представить, сестрица даже покраснела. Поэтому что вспомнила, как жили мы все вчетвером в детстве, и папашка, надо сказать, никогда не делал различия между родной дочерью и падчерицей. Хороший был человек, это все признавали, только к жизни совершенно неприспособленный.

И с тех пор Ольга вбила себе в голову, что должна сделать из меня человека. И все пять лет меня нещадно воспитывает. А я упорно сопротивляюсь. Вот так вот. Но польза от сестрицы конечно есть. Во-первых, я уже говорила, что люблю вкусно поесть, а расхаживать по ресторанам моя скромная зарплата не позволяет. А во-вторых, вот сегодня исключительно благодаря сестре я прекрасно проведу вечерок – в тишине, чистоте и покое.

С работы я шла в отличном настроении. На улице установилась славная весенняя погода, солнышко пригревало, и самое главное – мне не придется тайком пробираться в собственную комнату, сидеть там тише мыши и слушать че-

рез стенку звуковое оформление соседской свадьбы – громкое фальшивое пение, пошлые тосты и сопровождающие их взрывы оглушительного хохота...

Вместо этого я проведу вечер в уюте хорошей дорогой квартиры и по-человечески выплусь.

По дороге я зашла в магазин и купила себе на ужин пару фруктовых йогуртов, упаковку ветчины и коробку пирожных, настоящих свежих эклеров – гулять так гулять! Устрою себе маленький праздник, проведу чудный вечер!

Нужное мне здание находилось в тихом и красивом переулке неподалеку от Большого проспекта Петроградской стороны. Напротив него стоял старинный дом в стиле модерн, зеленый с белым, украшенный пышной лепниной. Но и тот дом, куда я направлялась, тоже не подкачал – он был совсем новый, однако выстроен тоже в стиле модерн, с круглыми и овальными окнами, отделан натуральным камнем и коваными балконными решетками.

Я подошла к подъезду, залихватски подмигнула камере на входе и с самым независимым видом открыла дверь ключом-таблеткой с Ольгиной связки.

Холл был просторный, прохладный, выложенный дорогой керамической плиткой. Живут же люди!

Я вызвала лифт (конечно, кабина была вся в зеркалах, на полу – ковровое покрытие) и поднялась на четвертый этаж.

Лестничная площадка тоже оказалась на уровне – напротив лифта стояла развесистая пальма в кадке, рядом с ней

сидела в позе роденовского мыслителя большая плюшевая обезьяна в желтой кепке-бейсболке и оранжевой майке с тринадцатым номером, на стене висели несколько гравюр в металлических рамочках.

По-моему, пальма на лестнице – куда ни шло, но обезьяна – это уже перебор! Я представила, как кто-нибудь из жильцов или гостей приезжает сюда поздно вечером в легком подпитии и вдруг видит перед собой наглую плюшевую морду... так, пожалуй, и окочуриться можно от неожиданности!

Впрочем, я здесь первый и последний раз, так что эта обезьяна не должна меня волновать! Я дружески потрепала шимпанзе по плюшевому плечу, поправила ее сбившуюся кепку и подошла к двери нужной квартиры.

На площадку выходили четыре двери, они были совершенно одинаковые – солидные, надежные и красивые, тускло отсвечивающие дорогим металлом, с вычурными бронзовыми ручками. Моя дверь была номер пятнадцать.

Я открыла ее двумя ключами и вошла в тишину и покой чужой квартиры.

Прихожая была просторная и очень красивая. Пол выложен узорным бежевым кафелем, стены отделаны дорогими панелями под мореный дуб. Слева от входа – зеркальные двери стенового шкафа-купе, прямо впереди три ступеньки вели в огромную кухню, справа виднелись несколько дверей из дорогого темного дерева.

Я повесила свою скромную курточку в стенной шкаф и

для начала заглянула на кухню.

Здесь все сверкало – стекло и металл, самая современная бытовая техника и развешанные по стенам для красоты старинные медные ковши, кастрюли и сковородки. Середину кухни занимал большой стол из толстого матового стекла, на видном месте красовалась отличная хромированная кофемашина – на две чашки, с дюжиной разных режимов. Здесь я могла бы приготовить себе и латте, и капучино... если бы, конечно, в доме нашлось хоть немного кофе!

Но вот продуктов здесь не было никаких – я убедилась в этом, выдвинув по очереди несколько ящиков и открыв дверцу холодильника.

В общем, этого и следовало ожидать – если люди уехали за границу, с какой стати они будут оставлять здесь кофе и сливки? В расчете на то, что я приду сюда переночевать?

Я положила свои покупки на полку огромного холодильника (они выглядели здесь очень сиротливо) и отправилась на экскурсию по квартире, которой на одну ночь предстояло стать моим домом.

Гостиная оказалась просторной и почти пустой – в одном углу огромная плазменная панель, в другом – низкий кожаный диван, по стенам – несколько картин. Я в таких картинах совершенно ничего не понимаю – какие-то пятна и полосы, но по цвету они очень подходили к этой комнате и выглядели очень дорогими.

Отсюда одна дверь вела в спальню. Спальня была помень-

ше, ее почти целиком занимала кровать, зато уж с впечатляющими размерами! Это была не кровать, а вертолетная площадка, только очень мягкая и удобная!

Ну что ж, значит, сегодня я выплусь с комфортом.

Из спальни я перешла в третью комнату. Похоже, хозяйский кабинет – судя по застекленным книжным шкафам красного дерева и такому же письменному столу. За стеклянными дверцами виднелись тисненные книжные переплеты, однако, когда я открыла дверцу и попыталась взять с полки книгу, меня ожидало разочарование: все книги оказались бутафорскими. То есть на полках стояли одни корешки, призванные производить на гостей солидное впечатление. Только на самой нижней полке стеснительно пристроились несколько дамских романов в розовых гламурных обложках.

Я хмыкнула и пошла дальше: хозяев квартиры я знать не знаю, и их вкусы меня совершенно не касаются.

Наконец я оказалась перед дверью ванной комнаты. Эта дверь из матового стекла была слегка приоткрыта, так что я из коридора разглядела краешек розовой гидромассажной ванны, и дальше – душевую кабинку. Я прямо сейчас начну наслаждаться жизнью, и для начала приму душ в дорогой кабине, чтобы смыть всю дневную усталость и накопившееся за зиму дурное настроение! А потом, пожалуй, и в джакузи понежусь!

Дома мне никогда не удавалось толком поваляться в ван-

не – тут же в дверь начинала ломиться Валентина, которая именно сейчас решила почистить зубы или побрить ноги, а то и ее Великолепный Гоша, которому вообще неизвестно что понадобилось. Но здесь-то я оторвусь как следует! Проваляюсь в теплой воде хоть два часа, а потом завернусь в полотенце и пойду на кухню ужинать!

Или еще лучше: поужинаю прямо в ванне!

Правда, для этого мне придется самой все приготовить и сервировать, самой принести все в ванную и самой себе подать – но уж так и быть, постараюсь для себя любимой!

Я представила, как блаженствую в огромной розовой ванне, наслаждаясь свежим эклером, и замурыкала от удовольствия!

Представив себе эту картину, я распахнула дверь ванной, вошла внутрь, включила свет и через голову стянула свитер. Затем обернулась, чтобы куда-нибудь его положить...

И завопила от неожиданности.

Или, точнее, от ужаса.

На полу ванной, выложенном розовым кафелем, лежал мужчина.

Я сжала зубы, чтобы прекратить орать, и зажмурилась.

Не знаю, на что я надеялась – может быть, на то, что когда снова открою глаза, этот мужчина бесследно исчезнет.

Не раскрывая глаз, я тихонько уговаривала его:

– Ну, исчезни, пожалуйста! Ну, что тебе стоит! Как все будет хорошо, если тебя не станет! Ну, пожалуйста! Жизнь

была бы прекрасна и удивительна, если бы не ты!

Однако когда я снова открыла глаза – совершенно ничего не изменилось. Он лежал на прежнем месте и, как и прежде, не подавал никаких признаков жизни.

Судя по всему, он был мертв.

Кричать я на этот раз не стала: у меня хватило мозгов сообразить, что, если на мой крик кто-нибудь явится, мне станет только хуже. Я нахожусь в чужой квартире, рядом с покойником, и мне будет очень трудно объяснить, как я сюда попала.

Вместо этого я наклонилась над незнакомцем, чтобы убедиться – вдруг он не умер, а только потерял сознание и упал, поскользнувшись на гладком кафеле.

Моим скромным надеждам не суждено было осуществиться.

При ближайшем рассмотрении я убедилась, что незнакомец мертв. Более того, у него был проломлен затылок, и на розовом кафеле расплылось большое темно-красное пятно.

– Боже мой, – проговорила я жалобно. – Ну за что, за что мне это? Разве я так много хотела? Я всего лишь мечтала провести вечер в тишине и покое, хотела выспаться на удобной, мягкой кровати, без орущих соседей за стеной... а вместо этого нахожу здесь совершенно незнакомого мертвого мужика!

И тут до меня неожиданно дошло, что лицо мертвеца мне смутно знакомо.

Где-то я совсем недавно видела эту холеную самоуверенную физиономию, этот квадратный подбородок, покрытый стильной трехдневной щетиной...

Больше того, я его видела неоднократно.

И наконец я осознала, что передо мной на кафельном полу лежит телеведущий Александр Каренин.

О господи! Но этого просто не может быть...

Ведь я назвала его имя сестре только потому, что увидела в газете эту самодовольную морду! Неужели наши мысли и слова могут таким ужасным способом материализоваться?

Я сделала над собой усилие и снова наклонилась над Карениным, чтобы проверить пульс. Вдруг он все же жив?

Пульса не было. Но все же это был хоть и мертвый, но человек, а не плод моего воображения. Вот скажите, пожалуйста, каким образом он здесь появился?

Я села на пол около трупа: ноги меня просто не держали. Что же делать? Что делать?

Первая мысль, мелькнувшая в моей бедной голове, – просто сбежать отсюда, сделать вид, что меня здесь никогда не было, вернуться домой и принять участие в Валентиновой свадьбе... Ну, послать этого Каренина подальше старым испытанным способом. Он мне и живой-то на фиг не сдался, а мертвый и подавно.

Сейчас, рядом с трупом, соседка казалась мне образцом добродетели и человеколюбия, а ее шумные гости – лучшей компанией, о какой я только могла мечтать. И что мне взбре-

ло в голову увильнуть от их милого семейного праздника? Ну, подумаешь – немножко шумные и крикливые, но, в конце концов, это такая ерунда!

Но тут же я сообразила, что мое изображение имеется на камере в подъезде. У меня еще хватило ума ей подмигнуть. И понадобится совсем мало времени, чтобы установить мою личность.

Кроме того, даже если я сбегу – очень быстро выяснится, что ключи от этой квартиры есть только у Ольги, и она окажется под подозрением. А я, при всем моем отношении к сестре, вовсе не желаю подложить ей такую свинью!

Мимоходом всплыла в моей голове мысль, что двумя постулатами, которыми я руководствовалась раньше, в данном случае никак не обойтись. Легко было раньше говорить, что мне все в жизни по барабану. Теперь-то речь идет о себе любимой и о моей единственной сестре. Да-да, хоть где-то там, за океаном, есть у нас еще одна сестричка, мы с Ольгой ее никогда не видели и, надо думать, уже не увидим. Кстати, последние сведения о мамуле, которые мы получили лет десять назад от общих знакомых, были таковы.

Надо сказать, что основным источником информации о маминой жизни являлась тетя Рая, ее то ли двоюродная, то ли троюродная сестра.

Тетя Рая была личностью незаурядной.

Когда-то давно она слыла довольно известной певицей, потом вышла замуж за американца, уехала с ним в Штаты и

осталась там навсегда, хотя муж потерялся на каком-то крутом вираже ее судьбы. Впрочем, сама тетя Рая со свойственным ей юмором говорила, что американский муж – это не роскошь, а средство передвижения.

В Штатах ее вокальная карьера не удалась, у нее не было ни сольных дисков, ни концертов в Карнеги-холле, ни выступлений на федеральных телеканалах. Тетя Рая, однако, ничуть не расстраивалась, пела в русских ресторанчиках от Нью-Йорка до Сан-Франциско, гастролировала по маленьким городкам Среднего Запада и радовалась жизни.

Время от времени она, как комета, ненадолго залетала на историческую родину – то есть в Петербург, – привозила многочисленные чемоданы, битком набитые нарядами, навещала нас с сестрой, дарила нам бесполезные подарки и сообщала последние новости о жизни нашей непутевой матери.

При этом с каждым приездом она становилась все толще, одевалась все ярче и легкомысленнее и вела себя все более шумно.

Последний раз тетя Рая весила, на мой взгляд, не меньше центнера, у нее были густые, черные как смоль волосы, алая помада и темные выкаченные глаза. Впрочем, волосы вполне могли быть париком, а цвет глаз она почти наверняка изменила контактными линзами.

Тети-Раины подарки мы тут же выбрасывали или кому-нибудь отдавали (обычно это были кофточки немислимого цвета и фасона, к тому же совершенно не подходящие

нам по размеру, или кухонные передники, которыми ни я, ни Ольга никогда в жизни не пользовались). Рассказы о мамуле мы выслушивали с особым вниманием.

Сначала мамуля сидела дома с младшей дочкой, потом на благотворительном вечере повстречала какого-то богатого старика, который влюбился в нее с первого взгляда. И что вы думаете? Правильно угадали, мамуля мигом оформила развод со своим предыдущим мужем и вышла замуж за престарелого миллионера. Со всеми вытекающими последствиями, как-то: вилла в Майями с двумя бассейнами, огромное ранчо в Монтане и просторная квартира в Нью-Йорке с видом на Центральный парк. Конкретных подробностей я не знаю, но примерно в таком духе.

Рассказы о маминой жизни мы принимали к сведению, хотя и выслушивали их с некоторой долей недоверия – уж очень фантастически звучали в обычной Ольгиной квартире или в моей коммуналке все эти детали из жизни миллионеров – светские приемы, яхты, роскошные автомобили и прочее.

Так что, сами понимаете, ни нашей мамуле, ни ее дочке совершенно нечего делать у нас в России, им и там неплохо. А нам с Ольгой нужно самим о себе заботиться.

Я очнулась от несвоевременных мыслей и окунулась в ужасную действительность. Труп Каренина все так же лежал на полу.

И тут я поняла, что единственное, что сейчас можно и нужно сделать, – позвонить Ольге и вызвать ее сюда.

Она женщина толковая, решительная, она придумает, как выпутаться из ужасной ситуации.

Я на ощупь нашарила свой телефон и набрала номер сестры.

К счастью, ответила она тотчас же. Видимо, как всякий деловой человек, держит мобильник под рукой.

– Оля! – проговорила я в трубку хриплым от страха голосом. – Оля, приезжай немедленно!

– Что?! – переспросила она раздраженно. – Что ты там шепчешь? Ничего не слышу! Ты не можешь позвонить попозже, мне сейчас неудобно разговаривать!

В трубке были слышны какие-то голоса, смех, звон посуды – она явно находилась в ресторане или на какой-то вечеринке.

Я попыталась говорить громче, но в присутствии трупа казалось неловко повышать голос. Самое простое было выбраться из ванной хотя бы в коридор, но ноги меня по-прежнему не держали.

– Оля! – повторила я как можно громче. – Приезжай! Случилось кое-что очень страшное!

– Господи, да что с тобой опять?! – пробормотала она. – Что, все настолько серьезно?

– Даже хуже, – честно призналась я. – Приезжай скорее... по телефону я не могу объяснить...

– Куда приезжать-то? – спросила она с прежним раздражением.

– В ту квартиру... ну, ключи от которой ты мне дала!

– Что?! – на этот раз она действительно заволновалась. – Что ты там устроила?

– Ничего... то есть это не я... в общем, приезжай скорее, сама все увидишь!

В трубке раздался щелчок и потянулись гудки отбоя.

Мне оставалось только ждать и надеяться, что Ольга приняла мой звонок всерьез и скоро придет. Впрочем, шансы были очень велики: возможно, за меня она не очень беспокоится, но вот за квартиру клиентов!..

Я откинулась спиной на холодную кафельную стенку и прикрыла глаза, чтобы не видеть мертвеца. Так я просидела ужасно долго, когда вдруг из прихожей донесся осторожный, неуверенный звонок.

Я вскочила (к счастью, ноги меня теперь держали) и крадучись устремила в прихожую. Подобравшись к двери, осторожно выглянула в глазок.

За дверью, ужасно искаженная оптикой, торчала какая-то разъяренная особа женского пола.

– Ольга, это ты? – прошептала я едва слышно.

Однако сестра меня услышала.

– Я, кто же еще! – прошипела она сквозь дверь. – Открой сейчас же! Долго ты будешь держать меня на лестнице?

Я открыла. Она влетела в прихожую, захлопнула за собой

дверь и уставилась на меня, как на мышь, непонятным образом оказавшуюся в свадебном торте.

– Ну, что ты тут устроила? Надеюсь, не пожар? – Ольга повела носом, принюхиваясь.

– Нет... – всхлипнула я. – И вообще... вообще, когда я пришла, он уже был...

– Он? – Ольга нахмурилась. – О ком ты говоришь?

– Пойдем... лучше ты сама посмотри... – Я взяла ее за локоть и повела к ванной, при этом почему-то стараясь ступать на цыпочках и не производить лишнего шума.

Надо отдать ей должное, Ольга больше не задавала вопросов и послушно следовала за мной. Даже зачем-то копировала мою крадущуюся походку.

Наконец мы подошли к ванной. Я открыла дверь и показала на мертвеца:

– Вот он!

– Господи! – Ольга попятилась и зажала рот руками.

Потом повернулась ко мне и спросила севшим от волнения голосом:

– Что ты с ним сделала?

– Да говорю же тебе – ничего! Когда я пришла, он уже был здесь... и он уже был мертвый!

– Это же он... это же Каренин! – вскрикнула она в следующую секунду и посмотрела на меня с каким-то новым, незнакомым мне и очень странным выражением.

Как будто вдруг увидела во мне совершенно другого,

незнакомомого человека.

— А я, честно говоря, подумала, что ты насчет него заливаешь! — проговорила она после паузы. — Ты и Каренин... надо же!.. Думала, ты какого-нибудь придурка приведешь лохматого, еще за квартиру переживала, но чтоб такое...

— Ты была совершенно права, — призналась я чистосердечно.

Не в таком я была положении, чтобы продолжать свои игры.

— Что значит — права? — она взглянула на меня в недоумении, потом не выдержала и отошла от двери ванной, чтобы не видеть мертвеца. — То есть, конечно, права, когда не хотела давать тебе ключи... и как это я так прокололась... Машка, ну как тебя угораздило? Дрались вы, что ли? Что все это значит?

— То и значит... я насчет него сочинила. Просто мне хотелось отдохнуть в приличных условиях.

— Сочинила? — Ольга вдруг истерически расхохоталась, даже слезы брызнули у нее из глаз. — Знаешь, сестричка, ты уж сейчас хотя бы не ври! Сочинила! Надо же! А кто же тогда на полу в ванной лежит? Плод твоего воображения?

— Я сама ничего не понимаю! — продолжала я свое чистосердечное признание. — Ума не приложу, как он здесь оказался!

Вот ведь что интересно. Иногда бывает, совершь правдоподобно — и все тебе верят, а когда говоришь чистую правду,

вот как я сейчас – ни фиги...

– И ты будешь говорить, что с ним вообще не знакома? – сестра наступала на меня, тесня к дверям. – И не возилась с его компьютером? И на машине он тебя не подвозил? И в рестораны не водил?

На все вопросы я только мотала головой с самым жалким видом. Между делом мы оказались в прихожей, и я под Ольгиным натиском уперлась спиной во входную дверь.

– Говорю тебе, я в жизни его живьем не видела! – крикнула я. – Нарочно все придумала, чтобы переночевать. А то у моих соседей опять свадьба...

– Все врешь, как всегда! – с ненавистью прошипела Ольга. – Скажешь, не ты его сюда привела?

– Я когда пришла, он уже был... – упавшим голосом, я твердила свое. – В конце концов, можешь на камере посмотреть...

Вспомнив про камеру у подъезда, Ольга зарычала словно раненая тигрица.

– Ни единому слову не верю!

Но меня сейчас волновало не столько то, верит ли мне моя сестра, сколько то, что же теперь будет. И самое главное – как из всего этого выпутаться. Тут до Ольги дошло, что мы стоим рядом с входной дверью и орем друг на друга, употребляя такие опасные слова, как тело, покойник и убийство. И что хоть дом населен приличными обеспеченными людьми, у которых нет привычки подслушивать под чужой дверью, все

же береженого бог бережет. Сестра схватила меня за плечо и проволокла в гостиную, где бросила на диван, словно тряпичную куклу – ноги у меня все еще отказывались ходить.

– Ладно, – проговорила Ольга после явно затянувшейся паузы. – Не хочешь говорить правду – твое дело. Но вообще, сестричка, ты меня здорово подставила! Ведь ключи от этой квартиры были только у меня, так что именно у меня возникнут колоссальные неприятности... ума не приложу, что делать!

– Наверное, надо вызвать милицию?.. – проговорила я нерешительно.

– Что?! – Ольга уставилась на меня, как на ненормальную. – Ну ты даешь, сестричка! Тебе что – не терпится окануться на нарах?

– Но ведь я... но ведь я его не убивала!..

Ольга фыркнула и покачала головой:

– Нет, все же иногда ты меня просто поражаешь! Не убивала! Но ведь здесь не было никого, кроме тебя – так что, ты думаешь, они тебе поверят? Я-то и то не очень верю, особенно учитывая то, что ты явно не говоришь мне всю правду! Нет, дорогая моя, ты – главная, точнее – единственная подозреваемая, и милиция непременно повесит на тебя это убийство! Зачем им рыть землю носом, еще кого-то искать, если ты – вот она! Хотя... хотя мне тоже будет трудно отмазаться, ведь это я дала тебе ключи!

Она снова надолго замолчала, и на лице ее одно за дру-

гим сменялись самые разные выражения – от растерянности и самого настоящего страха до решимости. И еще какие-то чувства промелькнули, которые я не смогла бы толком определить. Некогда мне было заниматься психоанализом, время сейчас неподходящее.

В конце концов Ольга пришла к какому-то решению и повернулась ко мне. Она снова была такой, какую я привыкла видеть, – собранной, решительной и самоуверенной.

– Вот что, – сказала она не терпящим возражений голосом. – Так и быть, я тебе помогу. Все-таки мы с тобой сестры... в общем, нам нужно избавиться от тела и навести здесь порядок.

– Избавиться от тела? – я невольно взглянула на мертвеца и вздрогнула, как от пронизывающего ветра. – Как ты себе это представляешь? Что, мы будем распиливать его в ванне?

– Слушай, не пытайся казаться еще глупее, чем ты есть! – проговорила Ольга раздраженно. – Мы просто увезем тело и выбросим в такое место, где его никогда не найдут!

– Но как же так, – сказала я растеряннo, – разве так можно... разве можно человека как бездомную собаку... его же родные будут искать, волноваться...

– Нет у него никаких родных! – рявкнула Ольга. – Или есть, но в какой-то заднице, откуда он родом! И мне, честно говоря, глубоко плевать на них! А вот на то, что завтра с утра клиент придет квартиру смотреть, мне не плевать! Представь себе, открываю я дверь, входим мы в ванную, а там такой

подарочек на полу отдыхает!

– Да уж... – я осознала ее правоту.

Сестра достала из сумочки мобильник и сделала мне знак отойти и помалкивать.

Нажав номер и дождавшись ответа, она заговорила совершенно другим голосом – деловым, но приветливым:

– Здравствуй, Олежек! Как дела? Рада за тебя... Слушай, у меня тут возникла небольшая проблема. Ничего страшного, но все же надо разобраться. В одной квартире, которая у меня в работе, случилась маленькая авария, а мне ее завтра нужно показывать покупателям. Могу я воспользоваться вашим микроавтобусом? Да нет, люди мне не нужны, я сама справлюсь. Точно справлюсь, не беспокойся. Когда? Чем скорее, тем лучше. Лучше всего – прямо сейчас. Вот спасибо! Договорились, я буду у вас через полчаса!

Она отключилась, спрятала телефон в сумочку и взглянула на меня как обычно, то есть сверху вниз:

– Ну, твое счастье! Я обо всем договорилась. В нашей фирме есть отдел, который занимается уборкой и мелким ремонтом в квартирах – в общем, предпродажной подготовкой. Вот у них я и одолжу все необходимое. Сиди здесь и жди меня, я скоро приеду!

Я представила, что мне придется целый час дожидаться ее в одной квартире с покойником, и зябко поежилась.

– А можно, я поеду с тобой?

– Нельзя! – отрезала она не терпящим возражений голо-

сом. – Сиди здесь и следи, чтобы ничего не случилось!

– Да что здесь может случиться? – проворчала я. – Все что могло – уже случилось! И даже больше того... Боишься, что покойник сбежит?

– Это было бы очень хорошо, – проговорила Ольга мечтательно. – Этим он избавил бы нас от массы хлопот и затруднений... но, к сожалению, это нереально! Он и при жизни-то был порядочной свиньей, и не думаю, что после смерти изменился к лучшему...

Я хотела спросить, откуда она знает, каким Каренин был при жизни, но Ольга уже развернулась и направилась к двери. Однако на пороге остановилась, повернулась ко мне и спросила:

– Ну все-таки признайся – что у тебя было с Карениным?

– Да говорю же тебе – я его вообще ни разу не видела, кроме как по телевизору!

– Ну-ну... – она резко развернулась и вышла из квартиры, напоследок раздраженно хлопнув дверью.

Я заперла за ней дверь и вернулась на кухню.

Мне следовало как-то занять себя до возвращения Ольги.

О том, чтобы принять душ, не шло и речи – ведь как раз в ванной лежал мертвый мужчина. Принимать душ в его присутствии... бр-р, благодарю покорно!

Поесть? В холодильнике лежали купленные мной продукты, но аппетит у меня совершенно пропал, и я поняла, что в теперешнем состоянии не проглочу ни кусочка. От одной

мысли о злополучных эклерах я почувствовала тошноту.

Оставалось мрачно пялиться в стену или шлаться тенью по чужой квартире, обходя стороной ванную комнату и стараясь не думать о том, что там находится...

Надо же! Всего какой-то час назад я с такой радостью вошла сюда, предвкушая спокойный вечер – и вот чем все закончилось! Ну за что, за что мне это?!

Я прикрыла глаза, сжала ладонями виски и постаралась успокоиться. Даже начала считать про себя.

Но ничуть это не помогло. И в это мгновение раздался дверной звонок.

Первой моей мыслью было, что вернулась Ольга.

Конечно, прошло слишком мало времени, но, возможно, она что-то забыла...

Я бросилась к дверям, но на полпути все же решила проявить предусмотрительность, сбросила тапки и двинулась дальше на цыпочках, стараясь не производить никакого шума.

Подкравшись к дверям, я заглянула в глазок...

Моя осторожность оказалась не напрасной.

Перед дверью была вовсе не Ольга.

На лестничной площадке стоял тощий сутулый мужчина с каким-то кривым, перекошенным лицом. Впрочем, возможно, его физиономию искривляла линза глазка.

Я застыла перед дверью, стараясь ничем не выдать своего присутствия и по возможности даже не дышать. Хотя и

понимала, что через дверь он не услышит такие негромкие звуки, однако страх есть страх, с ним ничего не поделаешь.

Мужчина взглянул на часы, потом на дверь. Я невольно попятилась – мне показалось, что он смотрит прямо на меня. Хотя, конечно, я понимала, что это глупо. Все-таки дверь непрозрачная и взгляд у него – не рентгеновский аппарат...

И вообще – почему я, собственно, так испугалась? Наверняка это какой-нибудь торговый агент, который ходит по домам, продавая моющие пылесосы, чудодейственные средства от комаров, составы для чистки ковров или другую подобную ерунду. Или контролер из энергокомпании, который хочет сверить показания счетчика. Он убедится, что дома никого нет, и уберется восвояси.

Правда, в такие приличные дома торговых агентов обычно не пускают, но он – хитрый и опытный агент и сумел как-то проникнуть внутрь. Я-то сумела...

А он еще раз нажал на кнопку звонка.

Трель звонка показалась мне просто оглушительной. Я еще немного отступила от двери, но потом вернулась на прежнее место и прильнула к глазку: все же мне хотелось видеть, что он делает.

А он делал кое-что очень страшное.

Он достал из кармана какую-то металлическую пластинку с крючочками на конце и поднес ее к дверному замку.

Я сразу поняла, что это отмычка, хотя раньше отмычек никогда не видела.

И еще я поняла, что это – никакой не агент, и не водопроводчик, и не техник из жилконторы. А скорее всего вордомушник. Он позвонил в дверь, убедился, что никого нет дома, и теперь откроет дверь отмычкой, войдет внутрь... и увидит меня.

И что он со мной сделает?

Да уж точно ничего хорошего!

Может быть, поскорее сбежать из прихожей и спрятаться где-нибудь в укромном уголке квартиры?

Пока в моей голове пробегали все эти мысли, я оставалась на прежнем месте и через глазок наблюдала за действиями домушника.

А он вел себя все более странно.

Вставив отмычку в замочную скважину и немножко там пошевелив, он вдруг снова вынул ее, взглянул на часы и достал из кармана мобильный телефон. Набрал номер, поднес телефон к уху и проговорил тихим, хрипловатым голосом:

– Это я. Да, я здесь, но в квартире никого нет. Да, я сам ничего не понимаю. Хотел войти и осмотреться, но потом передумал – осталось слишком мало времени, и это может быть рискованно... да, хорошо, я так и сделаю.

Он сложил телефон, убрал отмычку и ушел в сторону лифта.

Я перевела дыхание и прислонилась к стене.

Сердце билось в каком-то неподходящем месте, во рту пересохло, но я понемногу успокаивалась.

Слава богу, он не вошел в квартиру!

Тут мне пришло в голову, что для вора этот человек вел себя удивительно странно. Вместо того чтобы воспользоваться своей отмычкой, войти в квартиру и заняться поиском денег и ценных вещей, он с кем-то созвонился и ушел восвояси. Да и разговор по телефону был какой-то странный.

Как он сказал? «Я здесь, но в квартире никого нет».

Казалось бы, его это должно только радовать: можно воспользоваться отсутствием хозяев и обчистить квартиру. Но он почему-то очень удивился и ушел. Да, еще он сказал, что осталось очень мало времени... до чего осталось мало времени?

Я покинула прихожую и вернулась к своему занятию, прерванному странным визитом, – к ожиданию сестры.

На этот раз я устроилась на диване в гостиной, уставившись в темный экран телевизора. Включить его я, конечно, не решалась – боялась, что его услышит кто-нибудь из соседей. Да, честно говоря, я бы сейчас все равно ничего не смогла смотреть – мои мысли были заняты собственным кошмарным положением.

Просидев так какое-то время, я взглянула на часы.

Прошло уже больше часа с того времени, как уехала Ольга.

Пора бы ей уже вернуться!

А может, с ней что-то случилось по дороге? Или ей не дали обещанный автобус? Или она просто решила бросить ме-

ня здесь, наедине с трупом? Решила, что я сама как-нибудь выкарабкаюсь из этой ловушки – в конце концов, каждый за себя, и как писали классики, спасение утопающих – дело рук самих утопающих...

Мне и раньше-то было не слишком хорошо, а от таких жизнерадостных мыслей стало совсем плохо. Честно говоря, я даже позавидовала мертвому Каренину – ему-то больше ничего не угрожает...

И тут снова раздался звонок.

Я вскочила с бьющимся сердцем, но очень долго не решалась пройти в прихожую. Если раньше я ждала этого звонка, как спасения, то теперь была напугана им. Вдруг это не Ольга? Вдруг это снова кто-то совершенно другой? Вдруг это тот вор-домушник решил все же вернуться и обшарить квартиру?

Однако долго ждать нельзя. Я снова подкралась к двери, заглянула в глазок... и сердце мое забилося еще чаще.

За дверью стояла вовсе не моя сестра. Там торчал какой-то смуглый гастарбайтер в синем рабочем комбинезоне, с чемоданчиком в одной руке и большим мешком в другой.

Этому-то что здесь понадобилось?

Я стояла под дверью, дрожа от страха, а гастарбайтер вдруг наклонился и громко прошептал в щель между дверью и косяком:

– Что ты там пыхтишь? Открывай скорее, Машка! Сколько я тут буду торчать?

Я испуганно отшатнулась от двери.

Откуда этот тип знает мое имя?

Тут до меня дошло, что голос у гастарбайтера несомненно женский, больше того – он очень похож на Ольгин голос. Как первый раз, я прильнула к двери и прошептала:

– Ольга, это ты?

– Да я, я! – отозвалась она из-за двери. – Открывай быстрее, а то я тут торчу, как Эйфелева башня посреди Парижа...

Я открыла дверь.

Фигура в синем комбинезоне, оттолкнув меня, протиснулась в прихожую.

Это действительно оказалась сестра. Она была одета в синий форменный рабочий комбинезон, на голове – кепка-бейсболка, на носу – большие темные очки. Кроме того, она покрыла лицо темным тональным кремом, для усиления сходства с трудолюбивым жителем южных республик. В общем, узнать ее было трудно даже мне.

– Быстро переодевайся! – приказала она, открыв свой чемоданчик.

Там, поверх инструментов, лежал второй такой же комбинезон.

Я послушно напялила его, спрятала волосы под синюю бейсболку и взглянула на себя в большое зеркало.

На Ольге комбинезон сидел, как влитой, мне же он был велик на три или даже четыре размера. Да и бейсболка тоже была великовата, козырек все время падал на глаза. Кроме

того, без темных очков и тонального крема я была не так похожа на гастарбайтера, но ничего, сойдет. Надеюсь, к нам никто не будет приглядываться.

– Ну, что ты любишь себя? – прикрикнула на меня Ольга. – Некогда, нам нужно поворачиваться в темпе!

– Ты что, не могла найти что-нибудь поменьше? – спросила я, покосившись на сестру. – В этот комбинезон две таких, как я, влезут!

– Слушай, мне только и заботы было, что размер тебе подбирать! – огрызнулась Ольга. – Мы не на светскую вечеринку собираемся и не на показ мод! Сойдет и так, хватит дурака валять!

И правда, я совсем забыла свои собственные принципы...

– А как ты планируешь вынести труп из квартиры? – задала я сестре более существенный вопрос.

– Молча! – ответила она и показала на огромный мешок из-под сухой строительной смеси. – Вот в этом самом мешке, под видом строительного мусора.

Мы подошли к ванной и уставились на покойника.

– Знаешь, – проговорила я нерешительно. – Вообще-то я очень боюсь мертвецов...

– И что теперь? – Ольга взглянула на меня с нескрываемым отвращением. – Можно подумать, что я их обожаю! Всю жизнь только с ними и общаюсь! Все, некогда препираться, берись за ноги! Хотя подожди! Вдруг его найдут...

Она встала на колени возле трупа и расстегнула куртку.

Забыла сказать, что покойный Каренин валялся на полу в чужой ванной прямо в верхней одежде. Как пришел с улицы, так в ванную и потащился. С какого перепуга? Что ему там понадобилось?

Впрочем, мы этого уже не узнаем.

– Что ты делаешь? – изумленно спросила я. – Зачем ты шарить у него по карманам?

– Ключи ищу! – огрызнулась она. – Если ты говоришь, что он явился сюда до тебя, то у него должны быть ключи от этой квартиры. И если их найдут, то свяжут убийство со мной. А мне это надо? Черт, что это я, ключи же в нагрудном кармане должны быть!

Снова в голове у меня мелькнула мысль, откуда Ольга знает, в каком кармане носил ключи Александр Каренин. Но тут она сильно дернула молнию на кармане куртки Каренина, его рука сама собой поднялась и шлепнула меня по ноге. Я завизжала, показалось, что сейчас покойник встанет и пойдет на меня, ужасно оскалившись. В общем, возвращение живых трупов.

– Не ори! – прохрипела Ольга, надо думать, обыскивать покойника вещь неприятная. – Не ори! – повторила она, поднимаясь на ноги и позванивая связкой ключей. – Вот они!

Но даже на первый взгляд становилось ясно, что это не те ключи, что дала мне Ольга сегодня в японском ресторане. Там было всего два плоских ключа и таблетка от домофона. Здесь же звенела целая связка, как будто покойный

Каренин работал ключницей у богатого барина. Ольга профессионально быстро перебрала ключи и выхватила из связки один похожий. Метнулась к двери и попыталась вставить ключ в замок. Ничего не вышло.

– Так-так... – сказала она и очень нехорошо на меня посмотрела.

– А что, а что? – заторопилась я. – Я же тебе говорила...

– Вот-вот. Ты говорила, что когда ты пришла, он уже лежал в ванной мертвый, так?

– Так... – я опустила голову под ее взглядом.

– И как же он сюда попал? Кто его впустил, если у него нет ключей?

– А я откуда знаю? – буркнула я.

– Дура, – вздохнула сестра.

– Сама такая! – вяло отругнулась я.

– Да не ты, а я, – с досадой ответила сестра, – ведь знала же, что с тобой вечно какие-то истории, черт меня дернул дать тебе ключи от чужой квартиры! Ладно, давай работать, мне автобус вернуть надо!

Я тяжело вздохнула, наклонилась и ухватила за ноги бывшего телеведущего.

Никогда не думала, что так трудно запихнуть покойника в мешок.

Правда, мне никогда и в страшном сне не снилось, что придется этим заниматься. Кое-как мы запихнули в мешок ноги Каренина и даже большую часть его туловища, но ру-

ки торчали в разные стороны, как у рыболова, который показывает, какую рыбу поймал на минувших выходных, и никак не уместались в чертов мешок. Покойный был крупный, плотный мужчина, и мы с Ольгой здорово устали. Одна рука, наконец, влезла, но вторая совершенно не гнулась и торчала под немыслимым углом к туловищу. В глазах Ольги появился какой-то нехороший блеск, она выскочила в прихожую и вернулась со своим чемоданом. Открыв его, достала пилу-ножовку...

– Только не это! – взвизгнула я и изо всех сил навалилась на покойника. Видимо, ужас перед тем, что собралась сделать Ольга, удесятирил мои силы, во всяком случае, рука покойника наконец распрямилась, и мне удалось затолкать ее в мешок. Дальше дело пошло легче, и через пару минут бывший телеведущий Александр Каренин был полностью упакован в мешок.

Я выпрямилась, вздохнула и вытерла пот тыльной стороной руки. Я понемногу входила в роль настоящего трудового мигранта.

– Рано радуешься, – пропыхтела Ольга. – Самое трудное впереди!

Перед тем как уйти, Ольга заставила меня вымыть плитку в ванной, да и саму ванную тоже. Сама она пробежалась по всем комнатам, придирчиво оглядывая мебель и ковры, не осталось ли каких отпечатков. Мы прихватили всю мою одежду и даже продукты из холодильника не забыли.

– Помни, тебя тут не было, – твердила Ольга, – с камерой все будет нормально, она пишет всего сутки, потом автоматически все стирается. Ну, взяли!

Тут-то и начались самые трудности.

Каренин и при жизни, видимо, был очень тяжелый, а я слышала, что покойники становятся еще тяжелее. Возможно, это и вранье, но для двух хрупких девушек вес был неподъемный.

Однако другого выхода не было.

Мы с невероятным трудом взвалили мешок на плечи и побрели к выходу из квартиры.

На лестничной площадке пришлось его положить на пол, чтобы запереть дверь квартиры. Когда с этим было покончено, мы переглянулись и без слов поняли, что еще раз поднять такую тушу – выше наших сил. Тогда мы просто перекантовали его к двери лифта.

Я нажала кнопку вызова... и ничего не произошло: лампочка не загорелась, и кабина, находившаяся на верхнем этаже, не тронулась с места.

– Ну, что ты там возишься... – недовольно проворчала Ольга. – Лифт вызвать и то не можешь! Дай мне!

Я охотно посторонилась.

Она нажала кнопку, но результат был точно такой же. То есть никакого.

Судя по всему, лифт сломался.

Надо же, с виду такой дорогой, хороший лифт, весь в зер-

калах, а как нам понадобилось – так тут же авария!

– Только этого не хватало! – простонала Ольга и тоскливо взглянула на лестницу.

Однако выхода у нас не было, и мы поволокли мешок с Карениным к ступенькам. На прощание я сделала еще одну вещь – поменялась бейсболками с плюшевой обезьяной, что скучала на площадке. Мне ее желтая была как раз, а ей все равно – велика или мала.

Я попыталась приподнять мешок, но сил не хватало. Тогда я покосилась на свою сестрицу и просто пнула мешок ногой. Он с глухим стуком поехал вниз по ступенькам.

– Как ты можешь! – перекосилась Ольга. – Там же все-таки человек! Хотя и мертвый...

– Ну, так и тащи его сама! – проворчала я, догоняя мешок. – У меня лично не хватает сил тащить этого борова!

Ольга догнала меня на следующей площадке, на мгновение замешкалась и подтолкнула мешок. Мы переглянулись – в кои-то веки между нами возникло взаимопонимание! Все же мы сестры, хотя и не родные!

Телеведущий, постепенно набирая скорость, покатился вниз по лестнице.

В это время снизу слышались чьи-то шаги и недовольное старческое бормотание.

Я испуганно покосилась на сестру и свесилась в лестничный пролет.

По лестнице медленно поднимался высокий старик с хо-

ленным породистым лицом, в бежевом кашемировом пальто. Он опирался на черную трость с серебряным набалдашником и что-то брюзжал себе под нос. Он сделал еще несколько шагов и вышел на очередной марш, и тут увидел катящийся сверху тяжелый мешок.

– Совсем с ума посходили! – вскрикнул старик и едва успел отскочить в сторону, пропустив съезжающий по ступенькам груз.

Мы с сестрой устремились вслед за Карениным, чтобы перехватить его на следующем повороте. Старик взглянул на нас с откровенной неприязнью и пробормотал:

– Понаехали тут! Шагу ступить нельзя, чтобы на них не наткнуться!

– Мы вас тоже очень уважаем! – проговорила я, скатываясь по лестнице вслед за мешком.

Старик уставился на меня в изумлении и заморгал глазами.

– Ты что – с ума сошла? – прошипела Ольга, догнав меня. – Теперь он точно нас запомнит, а нам это надо?

– Да ладно, – я махнула рукой. – Мы так хорошо загримированы, что вряд ли нас кто-то узнает!

В несколько приемов мы докантовали мешок с Карениным до первого этажа и вытащили его на улицу. Здесь, хочешь не хочешь, нам снова пришлось поднять его, чтобы донести до машины – на улице попадались прохожие, и нам не хотелось привлекать их внимание, катая мешок по тротуа-

ру. К счастью, Ольга поставила микроавтобус совсем рядом с подъездом.

Наконец совместными усилиями мы погрузили мешок с покойником в автобус и сами расположились в кабине. Ольга выжала сцепление, и мы поехали вперед по улице. Я облегченно вздохнула, вытерла пот и повернулась к сестре:

– Ну, а теперь-то мы куда его денем?

– В этом ты вся! – проговорила Ольга со своей обычной поучающей интонацией. – Когда наконец ты научишься сама принимать решения, сама отвечать за свои собственные поступки? Твое счастье, что у тебя есть старшая сестра, на которую ты можешь положиться, к которой ты можешь прийти в экстренном случае, в пиковой ситуации! А что бы ты делала без меня?

– Без тебя я бы не попала в эту пиковую ситуацию... – пробормотала я едва слышно, а потом громко добавила: – Оль, ну кончай изображать учительницу младших классов! Скажи просто – куда мы его денем?

– Есть у меня одна идея, – ответила она вполне нормальным голосом, но в это самое мгновение у нее зазвонил мобильник.

– Ну, кому это еще неймется? – проговорила она раздраженно и поднесла телефон к уху, другой рукой придерживая руль.

Тут ее лицо расплылось в угодливой улыбке, и она затараторила по-английски с льстивыми и восторженными инто-

нациями.

Так она разговаривала минуты две, наконец отключила телефон, повернулась ко мне и цветисто выругалась. Хорошо, что она сейчас была в костюме гастарбайтера – к ее обычно-му деловому прикиду такие выражения совсем бы не подошли, а в устах трудового мигранта они звучали вполне натурально.

– Что случилось? – спросила я деликатно.

– Да уж случилось! – Ее лицо перекосилось, как будто она съела целый лимон без сахара. – Грэм приехал!

– Это еще кто такой?

– Очень важный клиент. Богатый американский бизнесмен, который непременно хочет купить квартиру в нашем городе. В деньгах он не ограничен, поэтому мое начальство хочет на нем наварить чуть не вдвое. Ну, и мне, само собой, прилично перепадет. Из-за этого контракта мы все целый месяц стояли на ушах и, кажется, нашли для него подходящий вариант...

– Так это же хорошо, – пробормотала я, не понимая причины ее скверного настроения.

– Это было бы хорошо, если бы не этот покойник! – прошипела Ольга, покосившись на мешок в грузовом отсеке автобуса. – Грэм прилетел на одни сутки, и он хочет, чтобы я немедленно показала ему квартиру! Понимаешь – немедленно! Если я сейчас откажусь, он меня не поймет. Сделка сорвется, я потеряю большие деньги... хуже того, меня вы-

швырнут с работы! Нет, сколько раз я зарекалась делать людям добро! Говорят же – ни одно доброе дело не остается безнаказанным! – И она взглянула на меня с самой настоящей ненавистью.

– И как же теперь быть? – проговорила я, сделав вид, что не заметила этого взгляда.

Ольга на мгновение задумалась, затем пришла к какому-то решению. Она свернула к тротуару, затормозила и принялась торопливо стаскивать с себя рабочий комбинезон. Я только молча наблюдала за ней, боясь вставить хоть слово.

Через минуту забитый и нерешительный трудовой мигрант волшебным образом превратился в настоящую бизнес-леди. То есть Ольга снова стала самой собой.

– Вот что, сестричка! – Ольга быстрыми, уверенными движениями снимала тональный крем и наносила свой обычный макияж. – Вот что. Сиди здесь, не высовывая носа из автобуса, и жди меня. Я постараюсь обернуться как можно быстрее. К счастью, квартира, которую я должна показать Грэму, находится совсем недалеко, так что я уложусь часа в полтора. А ты пока можешь поработать над своей внешностью, а то как-то ты бледновата для уроженца далекой южной республики. И постарайся не влипнуть в новые неприятности! – Она сунула мне в руку тональный крем, а сама выбралась из автобуса.

– Эй, Оль! – крикнула я ей вслед. – А если мне понадо-

бится...

Но сестрица меня уже не слышала: она неслась по тротуару, размахивая рукой, чтобы остановить машину.

— Ну вот, — бормотала я, разглядывая себя в зеркале заднего вида. — Чем дальше в лес, тем больше стеклотары! Ольга смылась, и я опять осталась один на один с покойником! Конечно, ей свой собственный бизнес дороже, чем моя судьба...

Из зеркала на меня смотрела бледная, перепуганная, растерянная физиономия.

Пожалуй, Ольга права: с таким нездоровым цветом лица я совсем непохожа на гастарбайтера. Нужно немного подгримироваться, пока есть свободное время. Все равно больше заняться нечем...

Я нанесла на кожу толстый слой тонального крема. Теперь я была немного больше похожа на смуглого сына гор или степей. По крайней мере, если не очень приглядываться.

Однако вся эта процедура заняла не больше двадцати минут, почти не приблизив возвращение моей сестры.

Я покосилась на мешок в грузовом отсеке и попыталась подумать о чем-нибудь более приятном. Однако мысли возвращались к тому же самому — к покойнику с проломленной головой и к тому, что я буду делать, если Ольга не вернется. Или если микроавтобусом заинтересуется какой-нибудь настырный милиционер.

Неожиданно у меня появилась еще одна проблема: мне

срочно понадобилось в туалет. То есть это было не то чтобы совсем неожиданно, так уж устроен человеческий организм – именно то, что в данный момент недоступно, становится особенно нужным.

Микроавтобус стоял неподалеку от небольшого рестораника. Судя по аляповатой вывеске и неказистой двери, ресторанчик был захудалый. Не из тех, о которых пишут ресторанные критики в путеводителях и средствах массовой информации. Однако там наверняка есть туалет, но вот как мне в моем виде туда попасть – это вопрос...

Однако попасть туда мне было нужно, вернее – просто необходимо.

Я выглянула из кабины.

Улица была безлюдна. Я плюнула на все второстепенные обстоятельства, выскочила из автобуса, захлопнула дверцу и припустила в ресторан.

К счастью, перед входом тоже никого не было. Я проскользнула внутрь и, прошмыгнув мимо кулившей в холле девицы в мини-юбке, устремилась к заветной двери с женским силуэтом.

Однако, влетев внутрь, я увидела в зеркале рабочий комбинезон и смуглую физиономию гастарбайтера.

Черт, что же я делаю! Если меня в моем теперешнем виде застанут в женском туалете, неприятностей не оберешься, могут и морду набить! Пожалуй, лучше перебраться в мужской...

Я выскользнула в дверь, и тут на меня налетела крупная полная блондинка в расшитом блестками жакете, судя по озабоченному и деловитому виду, хозяйка или директор ресторанчика. Ухватив меня за лямку комбинезона, блондинка воскликнула:

– Ну, слава богу, наконец кого-то прислали! Ты от Ахмета?

Я в ответ промычала что-то нечленораздельное. Блондинка помрачнела:

– Ну вот, опять Ахмет прислал какого-то чурку безразмерного! Вообще по-русски не говорит! Ну, ты хоть ключ-то разводной в руках держать умеешь?

Я опять неразборчиво замычала.

Блондинка покачала головой и показала на дверь женского туалета, откуда я только что вышла:

– Вон там трубу прорвало! Понятно? Трубу! – она попыталась жестами изобразить что-то круглое и длинное. – Вода льется! Затяни гайку, чтобы не текло, понятно?

Я закивала: мне было на все наплевать, лишь бы поскорее попасть в туалет. Кроме того, я надеялась, что в туалет она за мной не потащится и на какое-то время я буду предоставлена самой себе...

Я скрылась за дверью, оставив настороженную блондинку снаружи.

Через две минуты жить мне стало значительно легче.

Приведя себя в порядок, я огляделась.

Действительно, в углу из стыка трубы лилась вода, и на полу образовалась уже основательная лужа. Скоро по ней можно будет пускать кораблики.

Надо сказать, что я не отношусь к тем женщинам, которые, по словам поэта, коня на скаку остановят, в горящую избу войдут. На мой взгляд, починить протекающий унитаз или лопнувшую трубу гораздо труднее, чем остановить коня на скаку, но для меня ни то, ни другое невозможно. Лучше просто сбежать под шумок. Уныло поглядев на лужу, я подкралась к двери и выглянула в коридор.

Директриса с кем-то на повышенных тонах разговаривала по мобильному телефону. При этом она стояла так, что аккуратно перегородила дорогу к выходу. Как уже было сказано, она отличалась плотным телосложением, так что мимо нее не то что мне – кошке не проскочить, мухе не пролететь. Значит, придется срочно что-то придумать...

В это время в коридоре появилась та девица в мини-юбке, которая перед тем курила в холле. Решительно отодвинув директрису, она направилась к двери туалета и тут увидела меня.

– А это еще что такое? – девица уставилась на меня, как на неизвестное науке насекомое. – Ты еще что тут делаешь? Ты откуда такой взялся? Что, ваще дикий? Только вчера с баобаба слез? Женский туалет от мужского не отличаешь? Где только Ахмет таких откапывает?

Я решила играть роль до конца. Ткнув пальцем на огром-

ную лужу, я заговорила голосом персонажа известного фильма:

– Ты сюда не ходи, в вода попадешь, совсем мокрый будешь!

Девушка пожала плечами, повертела пальцем у виска и удалилась.

А я заметила в глубине помещения небольшой шкафчик.

У меня дома (точнее, в той коммунальной квартире, которую трудно считать своим домом) есть приблизительно такой же шкафчик. В нем находятся всякие трубы и краны для перекрывания горячей и холодной воды. Когда у нас случаются какие-нибудь аварии и мы вызываем сантехника из жилконторы, он первым делом лезет в тот шкафчик и перекрывает там какой-нибудь кран. После этого он уходит, и мы надолго остаемся без воды.

Чем я хуже того сантехника?

Я открыла шкафчик и действительно увидела внутри переплетение труб и множество разноцветных кранов.

Конечно, здесь труб и кранов имелось гораздо больше, чем в нашей квартире, и разобраться в них мне было не под силу. Тогда я стала поворачивать все краны один за другим.

Краны были красные и синие. Я догадывалась, что красные перекрывают горячую воду, а синие – холодную, но от этого мне было ничуть не проще. Все равно я в этом ничего не понимаю, поэтому стала действовать наудачу: все синие краны привела в горизонтальное положение, а все красные –

в вертикальное. Так, по крайней мере, получилось красиво.

Отстранившись немного и полюбовавшись делом своих рук, я осталась довольна и взглянула теперь на ту трубу, из которой до этого текла вода.

И можете себе представить – вода из нее больше не лилась!

Значит, я все же сумела перекрыть нужный кран!

Я преисполнилась самоуважения: оказывается, все не так уж сложно и я могу справиться с такой работой ничуть не хуже, чем сантехник из жилконторы!

С довольным видом я вышла в коридор.

Там меня поджидала директриса.

Вспомнив манеры нашего сантехника, я поправила бейсболку и проговорила:

– Ну, хозяйка, принимай работу! И, это, не забудь, что всякий труд должен быть оплачен!

– Надо же – оказывается, как до оплаты доходит, ты и порусски говорить умеешь? – удивленно проговорила директриса и заглянула в туалет.

– И правда вроде не течет... – она достала кошелек, но в это время в коридоре возник толстый дядька в белой куртке и поварском колпаке. Лицо его было красным от возмущения:

– Маргарита Васильевна, что у нас творится? Вода из кранов даже не идет! Как я могу работать в таких условиях? Как я могу сварить без воды суп-харчо и чанахи?! Если вы знае-

те, как готовить без воды, так сами вставайте на мое место!

С этими словами он сорвал с головы свой белоснежный колпак и швырнул его на пол.

В ту же секунду из другой двери вылетела женщина средних лет в синем халате, со шваброй в руках.

– Маргарита Васильевна! – завопила она дурным голосом. – Зовите аварийку! В кладовой потоп, горячая вода бьет фонтаном! Сейчас все продукты на фиг зальет!

Я поняла, что сейчас меня будут бить, и, воспользовавшись секундным замешательством директрисы, ужом проскользнула между ней и стеной коридора и выскочила из ресторана.

Вслед мне понеслись вопли:

– Держи его! Лови его!

Я прямым ходом устремилась к нашему микроавтобусу, точнее, к тому месту, где я его оставила... и остановилась в полной растерянности: микроавтобуса не было.

Он бесследно исчез.

Первой мелькнула мысль, что Ольга вернулась, пока я была в ресторане, нашла автобус и уехала, не дожидаясь меня. Однако очень скоро я убедилась, что это не так: на углу оставилась машина, из нее выскочила моя сестра и бросилась ко мне.

– Ну, я вернулась! – проговорила она скороговоркой. – Грэму наша квартира не понравилась... а где автобус?

Ольга удивленно уставилась на то место, где она перед

отъездом оставила наше средство передвижения, как будто надеялась, что от ее взгляда пропавший микроавтобус материализуется. Затем она повернулась ко мне и проговорила с плохо скрытым бешенством:

– Ну, и что ты опять натворила? Ведь я, кажется, велела тебе никуда не уходить и стеречь своего покойника! И что я вижу по возвращении? Ты есть, а покойник вместе с микроавтобусом испарился!

– Конечно, тебя бы больше устроило, чтобы все было наоборот, – проворчала я обиженно. – Чтобы автобус был на прежнем месте, а я исчезла! Зачем тебе вообще нужна сестра-неудачница? И кстати – почему ты называешь его *моим* покойником? Я к нему имею ничуть не большее отношение, чем ты!

У нее на лице проступила самая настоящая злоба. И еще что-то, чего я никак не могла понять. Ольга зашипела, как кошка, которой наступили на хвост, но затем как будто опомнилась, взяла себя в руки и проговорила почти спокойно:

– Ладно, об этом мы поговорим позднее, в более подходящей обстановке. А сейчас не могла бы ты, дорогая сестричка, все же объяснить мне, куда подевался микроавтобус вместе с... его содержимым?

Я смущенно изложила ей свои последние приключения и сказала, что знаю о судьбе микроавтобуса ровно столько же, сколько она.

– Наверное, его угнали, пока меня не было... – предполо-

жила я под конец. — Так, может, это и к лучшему? Пускай эти угонщики сами думают, как избавиться от *нашего* покойника! Представляешь, как они удивятся, когда его увидят!

Я даже захихикала, когда представила лица неизвестных угонщиков.

Однако Ольга не разделила моего веселья. Она снова зашипела, а лицо ее пошло пятнами:

— Ну, и долго ты думала? Иногда мне кажется, что у тебя в голове вместо мозгов кое-что другое! Ты хоть помнишь, что я позаимствовала этот микроавтобус в своей фирме? Если я его вовремя не верну, с меня шкуру спустят! А самое главное — выплывет на поверхность вся история с той квартирой! Нет, правильно говорят — ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Не поддавалась бы я на твои уговоры, не дала бы тебе ключи от этой квартиры, и было бы сейчас все хорошо...

Так мы стояли посреди улицы в полной растерянности, как вдруг из соседней подворотни высунулась небритая физиономия и сиплый голос проговорил:

— Это вы не по поводу автобуса переживаете?

Моя сестрица обладает отличной реакцией. Она тут же метнулась к подворотне и вытащила оттуда упирающегося бомжа. Бомж был самый настоящий — грязный, как свинья, и несло от него, как из помойки. Поэтому Ольга, перекосившись от отвращения, оттолкнула его к стене и встала так, чтобы он не мог сбежать.

– Ну-ка, красавец, выкладывай, что ты знаешь про микроавтобус? – спросила она бомжа, грозно сверкая глазами.

– А что я знаю, – жалобно забормотал он. – Ничего я не знаю... бедного человека обидеть ничего не стоит, а вот если дать ему на бутылку, это другое дело...

– Будет тебе на бутылку! – мрачно пообещала моя сестрица. – Дадим тебе на бутылку, а потом догоним и добавим на закуску! В общем, быстро выкладывай, что тебе известно, или устрою тебе такой перформанс – мама не горюй!

Моя сестра может говорить очень убедительно. Бомж явно перетрусил. Наверное, особенно напугало его непонятное слово *перформанс*. Во всяком случае, он заметно побледнел и проговорил, невольно понизив голос:

– А я что? Разве я что? Я ничего! Ежели ты так, то я, конечно, только ты Андрюхе не говори, что это я тебе рассказывал...

– Никому не скажу, – пообещала Ольга. – Ну, выкладывай! Кто такой Андрюха и что он сделал с нашим микроавтобусом?

– Так ты Андрюху не знаешь? – спросил бомж недоверчиво. – Андрюху, его тут всякий знает! Он сейчас поблизости одному лоху ремонт делает, так там нужно мусор строительный вывезти. Свою машину он пачкать не захотел, а тут узнал, что рядом автобус стоит, а в автобусе только двое чурок, ну, и решил, значит, попользоваться... чурки, они же жаловаться не станут, они всего боятся... он же не знал, что

это твой автобус!

– Интересно, от кого твой Андрюха узнал про автобус? – проговорила Ольга обманчиво мягким голосом. – Уж не от тебя ли?

– Не, не, я тут ни при чем... – глаза бомжа воровато забегали. – Я тут совсем не виноватый...

– Ладно, черт с тобой, главное, ты мне скажи, где сейчас наш автобус!

– Так тут, я же говорю, по соседству, в четырнадцатом доме, они там сейчас как раз грузятся! – и бомж показал на соседнюю подворотню.

Ольга отпустила бомжа, пригрозив, что если он наврал – она его из-под земли достанет.

Мы с ней зашли в указанную подворотню и увидели в дальнем конце двора до боли знакомый микроавтобус. Около автобуса курил здоровенный детина в таком же синем комбинезоне, как тот, что был на мне. Еще двое работяг закинули в автобус коробку с какими-то строительными отходами и удалились в подъезд. Детина в комбинезоне докурил сигарету, но не двинулся с места – он стоял, как памятник, возле самого автобуса и поглядывал по сторонам.

– Ну, и что нам теперь делать? – спросила я Ольгу, у которой всегда был наготове ответ на любые мои вопросы.

На этот раз, правда, она призадумалась. Впрочем, думала не очень долго, повернулась ко мне и проговорила в обычной своей приказной манере:

– Ты отвлечешь этого мужика, а я уведу автобус!

– Интересно, как я его должна отвлекать? – возмутилась я. – Ты видела, какой он здоровый? Он мне запросто руки-ноги переломает!

– Это не обсуждается! – отрезала моя сестрица. – Ты же не умеешь водить машину?

– Не умею... – честно призналась я.

– Ну, так и нечего спорить! Делай то, что я велела!

В это время во двор, дребезжа и громыхая всеми деталями, въехали старые раздолбанные «Жигули». Они остановились поблизости от микроавтобуса, дверца распахнулась, и из машины выкатилась особа лет тридцати с хвостиком. Хвостик, надо полагать, был довольно длинный. Особа была раскрашена, как индейский вождь на Первое мая, и облачена в коротенькую кожаную курточку, буквально лопающуюся на мощных телесах, и немыслимо короткую кожаную юбку. Вообще, в ее облике присутствовал явный недостаток одежды и избыток того, что под этой одеждой находилось. Подскочив к мужику в комбинезоне, особа завопила неожиданно высоким визгливым голосом:

– Ты что здесь делаешь, хряк недокормленный? Ты по какому поводу здесь кантуешься?

Мужчина в комбинезоне попятился от неожиданности и растерянно забормотал:

– Анжелочка, рыбка моя, ну что ты так расстраиваешься? Гуппия моя красноглазенькая, что ты так беспокоишься?

– Беспокоюсь? – «Рыбка» уперла руки в боки и надвинулась на него неотвратно, как цунами. – Ты сегодня обещал домой пораньше вернуться и это ржавое ведро в ремонт отогнать! – она ткнула большим пальцем в сторону «Жигулей». – Обещал или нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.